

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1987

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Э. Ю. ЮСУПОВ, Б. В. ЛУНИН

АНДИЖАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1898 ГОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

История освободительной борьбы народных масс Средней Азии против феодального и капиталистического гнета в период после присоединения данного региона к России по праву продолжает привлекать к себе внимание ученых. Много в изучении этого вопроса сделано, многое ждет еще дополнительных, все более глубоких изысканий с тем, чтобы воссоздать ход событий наиболее подробно, с восполнением еще имеющихся пробелов временного и территориального характера. К тому же некоторые аспекты истории освободительного движения в Среднеазиатском регионе до сих пор не получили своего точного и бесспорного истолкования.

Наглядный пример тому — Андижанское восстание 1898 г., обратившее на себя внимание В. И. Ленина² и вызвавшее к жизни, с течением времени, широкий круг самых различных публикаций в советской исторической литературе, но тем не менее продолжающее вызывать различные точки зрения и порой исключаящие друг друга оценки.

В связи с предпринятой сейчас подготовкой к изданию капитальной восьмитомной «Истории Узбекской ССР», IV том которой посвящается времени от присоединения к России до победы Октябрьской революции (60-е годы XIX — начало XX в.), вновь возникла потребность в творческом обсуждении специалистами-историками вопроса о характере, движущих силах, социальной сути Андижанского восстания 1898 г. с тем, чтобы найти, наконец, наиболее точную и объективную оценку его с марксистско-ленинских позиций.

Одним из неперемennых условий успешности предстоящей работы историков является осуществление историографического обзора и анализа накопившейся литературы о событиях 1898 г. Это позволит уяснить процесс назревания и суть расхождений во взглядах ученых на эти события и тем самым приблизить и облегчить возможность согласованной, в соответствии с реальными фактами, их оценки³.

Начать с того, что обсуждение вопроса о социальной сущности Андижанского восстания 1898 г. восходит уже к началу 20-х годов, а в 1925 г. из печати вышла работа Е. Федорова «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии» (Ташкент, 1925), само

¹ Печатается в дискуссионном порядке.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 191, 680.

³ В рамках журнальной статьи мы не можем, естественно, охватить всю без исключения литературу об Андижанском восстании 1898 г. Да в этом и нет особой необходимости. Для историографически-аналитического рассмотрения ее достаточно сконцентрировать основное внимание на узловых, наиболее характерных и показательных публикациях по данному вопросу на протяжении послеоктябрьского времени.

название которой говорит о взгляде автора и на Андижанское восстание⁴.

Но уже вскоре была высказана и резко противоположная точка зрения. В 1929 г. в сборнике Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) «Революция в Средней Азии» была опубликована историографически весьма примечательная статья к 30-летию Андижанского восстания⁵, которую редакция сборника считала «первой попыткой подойти к исследованию вопроса об Андижанском восстании с научно-марксистским методом»⁶.

Характерно, что уже тогда, по словам автора, наметилось «несколько довольно сильно различающихся друг от друга оценок (восстания)». Одни «находят его реакционным, но сейчас же делают оговорку и стараются найти в нем моменты революционности. Одни, например, считают это восстание революционным постольку, поскольку в нем принимала участие масса: дехканство и ремесленники, а другие — поскольку это восстание объективно расшатывало устои царизма»⁷.

Сам автор оценивал его как восстание реакционное. Его причиной, считал он, была утеря политической власти и былого экономического господства старыми феодальными слоями, не сумевшими «найти свое место в только что зарождавшейся экономической системе». Признавая, что движущими силами восстания были дехканство и городские ремесленники, автор подчеркивал, однако, что они действовали «при гегемонии тех же старых господствовавших при феодализме слоев»⁸, и не случайно, мол, поэтому городская и сельская буржуазия («то есть наиболее передовой для тогдашнего времени класс в Туркестане») была против восстания, хотя ее якобы и подбивали к тому.

Свой взгляд на реакционный характер восстания автор базировал в основном и решающем на том выводе, что хотя оно и ослабляло устои царизма (это признается автором), но в случае победы в широких масштабах привело бы к восстановлению «всех элементов восточного средневековья, наглядным образчиком которого было Кокандское ханство». Феодализм восторжествовал бы в Туркестане над капитализмом и отбросил край в разряд таких отсталых государств, как Персия.

Таким образом, заключал автор, «восстание 1898 года, явившееся попыткой умиравшего феодализма задушить нарождавшийся в Туркестане капитализм... необходимо считать исключительно реакционным движением»⁹.

Заслуживает особого внимания, что редакция сборника сочла необходимым специально отметить в примечании от своего имени, что она

⁴ Ср. со статьей Турара Рыскулова «Андижанское восстание» в Малой Советской Энциклопедии (Том I. М., 1928. С. 322—323), где указывалось на наличие острого недовольства масс, которое было использовано местной торговой буржуазией и феодалами под идейным руководством духовенства, поднявшего массы «под лозунгами охраны чистоты ислама, феодального уклада жизни, за государственную независимость от «неверных». В целом Т. Рыскулов считал восстание 1898 г. «самым крупным выступлением местного населения против захвата Туркестана... царской Россией и против ее капиталистической политики» (с. 323).

⁵ Сент-Заде. К 30-летию Андижанского восстания 1898 года // Революция в Средней Азии: Сб. I. Ташкент, 1929. С. 41—58.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 56.

⁸ Автор подчеркивал, что в числе привлеченных к судебной ответственности участников восстания было 2 датхо (или, как говорит автор, «генерала»), 7 пансатов (или «полковников»), 2 прежних бека, 40 мулл и 2 муариса (или «профессора»?).

⁹ Там же. С. 58.

«не предпрещает здесь вопроса о том, насколько автор в этом определении прав. Необходимо подчеркнуть, что эти его выводы на основе приводимых им же материалов недостаточно обоснованы и вопрос этот требует еще дальнейшей проработки на основе как уже имеющихся сырых материалов, так и привлечения новых, еще не разработанных».

Все это крайне поучительно в плане историографическом в том смысле, что, как видим, уже без малого шестьдесят лет назад в советской исторической литературе высказывалась точка зрения о реакционном характере восстания 1898 г. и тогда же возникали сомнения в ортодоксальности такой оценки. Наиболее уязвимым здесь было, пожалуй, то, что сам автор все же признавал, что движущими силами восстания выступали дехкане, ремесленники и что восстание расшатывало устои царизма в Туркестане.

Задумываясь сейчас над концепцией автора статьи 1929 г., мы обнаруживаем в ней соображения, казалось бы, подкупающие современного читателя своей обоснованностью.

В самом деле. Возврат от капитализма к феодализму, конечно, был бы явлением регрессивным. Достаточно вспомнить прямое и ясное указание В. И. Ленина на то, что «ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму...»¹⁰

Однако при ближайшем рассмотрении положения автора упомянутой статьи оказываются сугубо односторонними, антидиалектическими и более чем уязвимыми. Признание прогрессивности капитализма по отношению к феодализму, разумеется, отнюдь не может рассматриваться как некое его право быть застрахованным от выступлений масс против капиталистического (а равно и колониального) гнета. Это азбучная истина. Можно только напомнить, как рассматривал данную сторону дела В. И. Ленин. Говоря о прогрессивной роли русского капитализма в хозяйственном развитии страны, В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что признание этой роли «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма»¹¹, против которых и направлялся социальный протест трудящихся масс. Отсюда следует вывод, что и в оценке Андижанского восстания дело, конечно, не должно было сводиться, как в статье Сент-Заде, к прямолинейному и упрощенческому тезису: раз капитализм более прогрессивен нежели феодализм, а во главе восстания стояли феодальные элементы, то, следовательно, уже одно это предрешает его отнесение к разряду насильственных реакционных.

Недавно в печати было опубликовано выступление М. Г. Вахабова — убежденного и давнего сторонника взгляда на реакционный, антинародный характер Андижанского восстания. Воспроизведем полностью его формулировку: «Как новоявленные царьки и баи, как своего рода «удельные властелины», наделенные беспрекословным правом оценки тех или иных исторических событий, вели себя некоторые ученые [Академии наук Узбекской ССР]. По их непререкаемому велению, вопреки историческим фактам, авантюрное выступление отъявленного мракобеса Мадали Ишана в Андижане в 1898 году с реакционным лозунгом «газавата» против всех русских было объявлено кульминацией народного и антиколониального движения трудящихся Туркестанского края»¹².

Справедливости ради отметим прежде всего: то, что М. Г. Вахабов именует «кульминацией» взглядов такого рода, отнюдь не относится

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 116.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 597.

¹² Вахабов М. Г. Правде истории вопреки // Правда Востока. 1986. 4 дек.

ни к тому времени, ни к тем людям, ни к тому месту действия, которые имеются в виду в его статье.

Достаточно указать, что именно «кульминация» взглядов на национально-освободительный характер Андижанского восстания (и более того — даже на его революционный характер) нашла свое отражение на страницах второго тома первого издания «Истории народов Узбекистана», вышедшего в свет еще в 1947 г. Там в главе «Национально-освободительное и революционное движение в Узбекистане со времени завоевания до конца XIX века» (автор акад. М. В. Нечкина) Андижанскому восстанию был посвящен специальный параграф¹³ с довольно подробным освещением предпосылок Андижанского восстания (закабаление трудящихся масс в Фергане как «хлопковом районе», снижение уровня их жизни, разорительное для них хозяйничанье русских капиталистов и местных байско-феодалов, особое для этого района развитие чайрикерства и батрачества, смешение безземельной бедноты с пролетаризованными слоями деревни, новая система поземельно-податного обложения, насильственный постой царских войск в кишлаках и обременительная повинность содержания этих войск, раздражавшая население, бедственное положение кочевников-скотоводов, сложный узел аграрных противоречий и т. д.).

Подчеркивалось (это важно), что наибольшее количество участников восстания дали Андижанский и Маргиланский уезды и некоторые волости Ошского района.

Далее освещались биография Мадали-ишана, «лозунги и подготовка восстания», его ход, «состав участников и общий характер движения», расправа с участниками восстания.

Указывалось на «широкое сочувствие к восстанию населения» и то, что его подготовка проходила в «легко воспламеняющейся среде». В составе участников «преобладала трудовая беднота (трудовое дехканское население) кишлаков и городских пригородов», но к движению примешалась и некоторая доля феодальных элементов, включая прежних чинов войск кокандского хана. Убедительно было показано и доказано (на основе дел по конфискации имущества осужденных участников восстания), что большинство восставших имели «движимое имущество» ценностью часто не более 2—3 руб. Большинство из них были безземельными и лишь часть владела небольшими участками (от 3 до 8 танапов). На долю бедноты приходилось 48% всех арестованных, 30% составляли люди, вообще не имевшие никакого имущества. Скот имели 12%, землю — 10% арестованных.

Идеология восстания была лишена четкого понимания основных задач борьбы, прикрывалась «религиозными мотивами, имевшими власть над темной дехканской массой», само восстание носило локальный характер, было недостаточно организованным. Нападение восставших именно на казармы царских войск в Андижане было вызвано тем, что «Андижан — сравнительно небольшой центр — казался участникам восстания пунктом решающего значения; в их представлении ликвидация гарнизона этого города была чуть ли не равносильна падению царской власти в Фергане»¹⁴.

¹³ История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1947. С. 362—370. В своих воспоминаниях о работе в Ташкенте в годы войны М. В. Нечкина писала: «Историки Москвы трудились вместе с узбекскими учеными над... «Историей Узбекистана». Мне довелось написать для нее главу о массовом антифеоцистском движении узбеков (курсив наш.— Авт.) в конце XIX в.» (Нечкина М. В. Лекции в дни войны//В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. С. 35).

¹⁴ Там же. С. 368—369.

Лозунг «газавата» не раз в истории оказывался формой народных движений. Вместе с тем он отражал и «требования религиозно-феодалных элементов, примкнувших к движению, которому была свойственна идейная неоднородность».

Общий же вывод сводится к тому, что Андижанское восстание по своему существу было национально-освободительным, народным и поэтому «имело большое революционное значение: оно действовало в направлении общего революционного процесса, уже глубоко охватившего в девяностых годах царскую Россию в целом. Восстание наносило удар царизму, колебало его устои и прочность в недавно завоеванной колонии» и «содействовало... накоплению в широких массах опыта политической борьбы». Оно было «прогрессивным историческим явлением»¹⁵. Царизм жестоко подавил восстание, усилил национально-колониальный гнет, но «движение ушло в глубь и копило свои силы».

Как видим, налицо был обстоятельный и всесторонний анализ предпосылок, хода и итогов восстания. Нельзя, конечно, не видеть и некоторых преувеличений, прежде всего насчет «большого революционного значения» Андижанского восстания, но в целом авторская точка зрения заслуживала несомненного внимания.

Тем не менее она вновь обрела и своих противников, занявших прямо и резко противоположные позиции.

В марте 1951 г. в САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) состоялась дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период¹⁶. На ней шла речь и о социальной природе Андижанского восстания. Докладчик проф. И. К. Додонов подтвердил свою точку зрения, высказанную им в ноябре 1950 г. на дискуссии в АН УзССР. В основном, утверждал он, восстание было народным и одним из очагов народного движения в Фергане в конце XIX в. Оно было своеобразной формой протеста против колониального гнета, а «газават» был только религиозной оболочкой восстания. В выступлении по докладу В. Я. Непомнин утверждал, что восстание носило реакционный характер, «толкало народы Туркестана назад к феодализму, к ханским деспотиям»¹⁷. К. Е. Житов полагал, что И. К. Додонов недооценил реакционную суть лозунга «газавата». Андижанское восстание, по его мнению, носило реакционный, феодально-националистический характер. В итоге дискуссии «удалось... показать реакционную сущность феодально-националистического Андижанского восстания 1898 г. и некоторых других движений»¹⁸.

Эта позиция сказалась и на последующей литературе вопроса. Со времени выхода в свет второго тома «Истории народов Узбекистана» (1947) пройдет менее 10 лет и в новом издании «Истории Узбекской ССР» 1956 г. (Том I. Книга вторая, под ред. М. Г. Вахабова, В. Я. Непомнина и др.) произойдет полная метаморфоза в оценке Андижанского («восточно-ферганского») восстания 1898 г. Она будет представлена краткими данными в главе второй (автор В. Я. Непом-

¹⁵ Там же. С. 364.

¹⁶ Зевелев А., Абдуллаев Ш. Дискуссия о характере...//Вопросы истории. 1951. № 9. С. 173—178. Речь шла об объединенном расширенном заседании кафедр основ марксизма-ленинизма и истории СССР САГУ, явившемся откликом на статью в «Правде» 12 декабря 1950 г. Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана».

¹⁷ Впоследствии В. Я. Непомнин отказался от однолинейного взгляда на реакционный характер восстания 1898 г. Он — один из трех авторов статьи во II томе «Истории Узбекской ССР» (1968), о которой речь пойдет ниже.

¹⁸ Вопросы истории. 1951. № 9. С. 177.

нин) с указанием в предисловии к тому, что в процессе работы над ним были учтены «критические замечания, пожелания, высказанные во время широкого общественного обсуждения II тома «Истории народов Узбекистана» (1948) и при обсуждении историками республики проспекта нового издания «Истории Узбекской ССР» (1954)».

Теперь Андижанское восстание рассматривалось как «наиболее крупное феодально-национальное движение в Средней Азии» с указанием на то, что «характер и лозунги андижанского восстания свидетельствуют о его глубоко реакционном, антинародном характере, и оценка этого выступления в первом издании II тома «Истории народов Узбекистана», как национально-освободительного и народного движения, является совершенно неправильной и ошибочной»¹⁹. Подчеркивалась и тесная связь восстания с панисламистской пропагандой и его цель — возвращение к ханским временам под эгидой турецкого султана. «За спиной ишана стояли Турция и Англия»²⁰.

При всей категоричности такого рода формулировок все же признавалось, что главарям восстания «путем религиозной пропаганды и обмана удалось привлечь на свою сторону *часть трудового населения*» (курсив наш. — Авт.) и что напуганное восстанием царское правительство «усилило политические репрессии и колониальный гнет в своей колонии»²¹.

Бросается в глаза, что в отличие от «Истории народов Узбекистана» здесь автор не утруждал себя анализом исторической обстановки тех лет, социально-экономических условий жизни масс и т. п. Вообще весь рассказ об Андижанском восстании уместился на одной странице²². Комментарии к категорическому утверждению о его реакционном характере и обзрение фактических данных были более скудными и односторонними в сравнении с материалами; фигурирующими в первом издании второго тома «Истории народов Узбекистана» в качестве обоснования вывода о национально-освободительном характере восстания.

Убежденно и последовательно придерживаясь взгляда на реакционный характер восстания 1898 г., М. Г. Вахабов вернулся к рассмотрению этого вопроса в своей пользующейся известностью большой

¹⁹ История Узбекской ССР. Т. I. Книга вторая. Ташкент, 1956. С. 99.

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 99.

²² Под явным воздействием текста «Истории Узбекской ССР» (Том I. Книга 2) и со ссылкой на него (а также на статью Б. Г. Гафурова «Об Андижанском восстании 1898 г.» в журнале «Вопросы истории», 1953, № 2, и книгу В. В. Салькова 1901 г.) была написана заметка С. А. Залесского об Андижанском восстании на страницах Советской исторической энциклопедии (Том I. 1961. С. 570—571). И здесь оно безоговорочно объявлялось феодально-националистическим движением в Фергане, правда, с упоминанием, что Мадали-ишан «использовал недовольство народных масс произволом русских колонизаторских властей».

Как национально-освободительное движение характеризовали восстание 1898 г. К. Е. Житов и В. Я. Непомнин в книге «От колониального рабства к социализму» (Ташкент, 1939. С. 26—27) и Б. Г. Гафуров в книге «История таджикского народа» (Т. I. М., 1949. С. 444). Б. Г. Гафуров подчеркивал, что, хотя восстание («взятое в свои руки реакционными элементами») не могло получить широкого размаха и было подавлено, «однако значение его было велико. Восстание по существу послужило школой для новых выступлений народных масс, в частности восстания 1916 года в Средней Азии». Впоследствии Б. Г. Гафуров в корне изменил свою точку зрения, объявив восстание «феодально-националистическим и реакционным», суфийским по характеру, причем даже само слово «восстание» употреблено здесь в кавычках (Гафуров Б. Г. Об Андижанском «восстании» 1898 года // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 50—61).

работе о процессе формирования узбекской социалистической нации²³.

Отвергая утверждение «Очерков истории Коммунистической партии Туркестана» (Ташкент, 1958. С. 22) о том, что в восстании 1898 г. принимали участие представители трудящихся масс, М. Г. Вахабов подробно рассмотрел биографию главы восстания («авантюристического выступления») Мадали-ишана как религиозного фанатика, «очень далекого от народных масс», «не связанного с ними», сгруппировавшего вокруг себя «реакционные феодальные элементы» и сумевшего образовать при своей резиденции влиятельный религиозно-юрисдикционный орден. Далее очень кратко описаны ход восстания и жестокое подавление его царскими войсками²⁴.

При таком подходе к анализу вопроса было естественным отнесение М. Г. Вахабовым событий 1898 г. к числу реакционных, феодально-клерикальных движений. В стороне осталось рассмотрение вопроса о тяжелом экономическом положении трудового населения Ферганы, о его феодальной и капиталистической эксплуатации, о социальном составе участников восстания (замененном указанием лишь на то, что «выступление Мадали-ишана начали около 600 мюридов и жившие при его дворе дервиши»)²⁵. Между тем сам же М. Г. Вахабов (правда, вскользь) упоминает о «действительно зревшем в народе недовольстве своим тяжелым положением» и о том, что царские власти подавили «назревшее освободительное движение (курсив наш.— Авт.)»²⁶. Но ведь именно эта сторона дела заслуживала наибольшего рассмотрения, а не только биография и роль Мадали-ишана²⁷.

Что касается восстания 1898 г., проходившего под знаменем религии (в данном конкретном случае под зеленым знаменем ислама) и во имя религии, во славу Аллаха, то можно ли в этой стороне дела усматривать ключ к уяснению социального характера и истоков восстания или видеть в его религиозной подоплеке один из решающих показателей его реакционности? Нет, если не отрывать от реальной действительности тех лет.

Классиками марксизма-ленинизма четко и ясно показана закономерность религиозной окраски стихийных крестьянских выступлений

²³ Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961. 588 с.

²⁴ Нельзя не отметить, в частности, что в публикациях М. Г. Вахабова общая численность участников Андижанского восстания определяется цифрой до 1000 человек, тогда как в публикациях других авторов фигурирует утверждение, что их численность составляла 2000 человек. Расхождение довольно существенное, ждущее уточнения.

²⁵ Вахабов М. Г. Указ. соч. С. 200—202.

²⁶ Там же. С. 202.

²⁷ Если следовать описанию М. Г. Вахабова, то весь ход восстания 1898 г. был не более, чем быстропроходящим эпизодом. К 6 часам утра ишан и его сторонники подошли к Андижану, напали на казарму, убили 22 и ранили 24 солдата, но «достаточно было первых залпов оправившихся от внезапного нападения солдат, чтобы восставшие разбежались. Этим, собственно говоря, и кончилось выступление Мадали-ишана» (Вахабов М. Г. Указ. соч. С. 201). Между тем дошедшие до нас известия говорят о том, что события 1898 г. взбудоражили весь край. Даже в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии (организации, казалось бы, бесконечно далекой от живой жизни) отмечалось, что то было время «особых обстоятельств, пережитых в мае месяце 1898 года всем населением Туркестанского края» (ПТКЛА, год пятый, 1900, с. 38). В. Духовская (жена туркестанского генерал-губернатора) рассказывает, что в августе «до самой границы Закаспийского края, через каждые шесть столбов, стоят по два туземца,— охраняют железнодорожный путь до проезда последней партии ссылаемых на каторгу андижанских повстанцев... Туземцам было объяснено, что в случае какого-нибудь несчастья с поездом, ответит за это все население близлежащих кишлаков» (Духовская В. Туркестанские воспоминания, СПб., 1913. С. 39).

не только в средние века, но и в более позднее время. «Если эта классовая борьба,— писал Ф. Энгельс,— протекала тогда [в средние века] под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это ни сколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»²⁸. В XIII—XVIII вв. религиозную окраску принимали, как правило, все исторические движения. Эта окраска «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека... но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию»²⁹, ибо «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»³⁰.

И Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»³¹ И уж конечно, оно было свойственно и не могло не быть свойственным дехканским массам Ферганы конца XIX в. Напомним, что спустя более чем 20 лет, уже в первые годы Советской власти (1919 г.), В. И. Ленин вынужден был констатировать, что народы Средней Азии еще «всецело в подчинении у своих мулл» и «надо дожидаться... дифференциации пролетариата от буржуазных элементов», что неизбежно³².

Таким образом, не религиозная оболочка Андижанского восстания — основной показатель к суждению о его реакционной или прогрессивной роли, а прежде всего его социальная основа.

В целом приходится констатировать ограничительный характер аргументации М. Г. Вахабова. В ней очень убедительно и с достаточной полнотой освещаются личность Дукчи-ишана как религиозного фанатика пантюркистского и панисламского толка, его антирусские настроения, но в меньшей степени, скупое и беглое, характеризуется социальный состав участников восстания в его преобладающей части. Автор усиленно подчеркивает принадлежность многих участников восстания к числу мюридов Мадали-ишана. Но само по себе, заметим, это еще не говорит о социальном облике последователей ишана. Среди мюридов могли быть люди разного имущественного и общественного положения, от зажиточных элементов до беднейших. Религиозная оболочка, повторяем, не должна заслонять собой все и вся в анализе социальной природы восстания 1898 г.

И поучительно, что и на этот раз, как и раньше, взгляд на Андижанское восстание 1898 г. как на явление сугубо реакционное не получил безоговорочного признания, побуждая историков вновь и вновь возвращаться к данному вопросу в поисках истины.

В Институте истории АН УзССР было созвано совещание группы историков, на котором в результате обмена мнениями была опять подтверждена точка зрения о принадлежности восстания 1898 г. к числу проявлений национально-освободительного движения конца XIX в. в Туркестане.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 360.

²⁹ Там же. С. 294.

³⁰ Там же. С. 314.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228. Ленин же не раз подчеркивал, что крестьянские восстания всегда оставались «одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами» (Полн. собр. соч. Т. 20. С. 140) вследствие «неразвитости и темноты крестьян» (Там же. Т. 4. С. 229) и отсутствия у них «ясных политических требований — причин их неизбежного поражения» (Там же. Т. 7. С. 194—196).

³² Там же. Т. 38. С. 158—159.

В 1967—1968 гг. из печати вышло новое, четырехтомное издание «Истории Узбекской ССР», во втором томе которого (1968) в главе третьей («Народные движения Узбекистана 80—90-х годов XIX в.») подробно рассматривался и вопрос об Андижанском восстании (авторы В. Я. Непомнин, Х. Т. Турсунов и К. Ф. Касымбеков). В предисловии к тому указывалось, что «историки сумели определить сейчас свое принципиальное отношение к оценке таких проявлений национально-освободительного движения... как Андижанское восстание 1898 г. и др.», хотя многие моменты еще ждут своего всестороннего и исчерпывающего изучения.

Общий вывод авторов сводился к тому, что восстание было сложным по своему социальному составу, что представители религиозно-феодалной знати стремились воспользоваться возмущением дехкан и кочевых скотоводов царской колониальной политикой для достижения своих узкоклассовых интересов. Неминуемость поражения восстания определялась уже тем, что интересы главарей не имели ничего общего с интересами угнетенной массы. Религиозная оболочка восстания скрывала активность дехканских масс, мешала развиваться классовой борьбе.

Главную же причину восстания надо искать в тяжелых условиях жизни народных масс, а не в происках (вообще говоря, возможных и вероятных) иноземной агентуры. Основной движущей силой восстания 1898 г. была народная масса. Вопреки пагубному воздействию феодально-клерикальных элементов восстание наносило удар по царизму в недавно завоеванной колонии. Восстание носило антифеодальный и антиколониальный характер³³.

Очень важным было цитируемое авторами выступление на заседании IV Государственной Думы (в связи с восстанием 1916 г.) очевидца Андижанских событий 1898 г. князя Мансырева, видевшего первопричину событий во взяточничестве, которое «развито было до архивозможных пределов... натурой и деньгами», в поборах, которые «производились по всякому поводу», в постоянном отчуждении администрации от местного населения, «выражении всяческого ему презрения и недоверия, взгляде на туземное население, как на низшую расу, не способную ни мыслить, ни чувствовать», в совершенном произволе «со стороны всех от мала до велика на административной лестнице». Но то, что видел свидетель событий почти 90-летней давности, не в состоянии увидеть некоторые исследователи наших дней.

Как видим, авторы II тома «Истории Узбекской ССР» избегали односторонних суждений о восстании (или — или), вскрывая как его социальную, антиколониальную сущность, так и теневые, отрицательные черты.

В согласии с основными положениями II тома «Истории Узбекской ССР» находится и заметка Х. Т. Турсунова о восстании 1898 г., датированная 1970 г.³⁴ Автор видит в нем следствие колонизаторской

³³ В недавно увидевшей свет статье С. С. Хромова (XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории // История СССР. 1986. № 6. С. 17—18) содержится упрек в адрес одноклассника «Узбекская Советская Социалистическая Республика» (Ташкент, 1981. С. 93), в котором Андижанское восстание 1898 г. безоговорочно объявляется «антифеодальным и антиколониальным», хотя, как отмечается относительно этого восстания в «Истории Узбекской ССР» (Том II. 1968. С. 82), «к лозунгам, которые в какой-то мере отражали чаяния народных масс, примешались лозунги иного порядка, отражавшие устремления и идеи религиозно-феодалных элементов, примкнувших к восстанию».

³⁴ Турсунов Х. Т. Андижанское восстание 1898 г. // Большая Советская Энциклопедия. Т. 2. 1970. С. 14.

политики царизма, отмечает, что вопреки антиколониальным настроениям основной массы его участников, руководство им оказалось в руках феодалов и духовенства и тем не менее восстание «объективно содействовало дальнейшему нарастанию национально-освободительной борьбы народов Туркестана».

Обращает внимание, что Х. Т. Турсунов ничего не говорит об антифеодальном характере восстания, что следует считать, как мы полагаем, не случайным (см. ниже).

В 1982 г. в своей новой статье Х. Т. Турсунов обоснованно разделял развитие национально-освободительных движений в Средней Азии на три периода: от присоединения к России до начала XX в. (к этому периоду относится и Андижанское восстание), от начала XX в. до Февральской революции 1917 г. и от Февраля до Октября 1917 г. Для первого периода была характерна разрозненность национальных движений и отсутствие непосредственных связей с революционным движением рабочего класса России. «Освободительные идеи и устремления народных масс в известной мере затушевывались и затемнялись религиозным фанатизмом некоторых категорий участников национально-освободительных движений, да и сами эти движения — стихийные и неорганизованные носили ярко выраженную религиозную окраску, нередко находясь под влиянием феодально-клерикальных элементов»³⁵. Это относится и к Андижанскому восстанию 1898 г. Автор правильно подчеркивал важность умения «вскрыть внешнюю религиозную оболочку, отделить ее от классового содержания, проанализировать истинные, глубинные причины и характер народных движений»³⁶.

Кстати сказать, весь ход событий 1898 г. не позволяет и методологически, и фактически сводить историю Андижанского восстания к событиям, связанным только с этим городом, отрывая их от всей обстановки, сложившейся тогда в Ферганской долине и даже за ее пределами. Андижанское восстание было лишь наиболее острым по своему характеру (прямое вооруженное нападение на казармы царских войск)³⁷, но отнюдь не изолированным от того, что происходило и до, и после этого за пределами Андижана. Уместно заметить, что еще Н. П. Остроумов предпочитал вести речь не об Андижанском, а о Ферганском восстании. Дошедшие до нас донесения местных (периферийных) и центральных (областных, краевых) колониальных властей полностью подтверждают сказанное. Говоря словами генерал-лейтенанта Королькова, налицо была обширная распространенность движения. О том же вел речь и генерал-губернатор Туркестанского края Духовской, указывавший, что «хотя эта вспышка и появилась в Фергане, но явление это не может считаться делом чисто местным или одного какого-либо класса». Вспышки повстанческого движения в некоторых районах имели место и до 1898 г., причем некоторые из них, судя по всему, олицетворяли собою своеобразное переплетение антиколониальных настроений с антифеодальными (нападения на волостных управи-

³⁵ Турсунов Х. Т. Глубже изучать историю национально-освободительных движений в Средней Азии//Общественные науки в Узбекистане. 1982. № 1. С. 23.

³⁶ Там же. С. 26.

³⁷ То, что объектом нападения восставших явились именно казармы — место расположения воинского гарнизона Андижана, — вполне закономерно. Царские войска были расквартированы по всему Туркестанскому краю, главным образом в его городах. Они обеспечивали военную охрану интересов колониального режима, служили в этом плане его опорой, а тем самым олицетворяли в глазах восставших ненавистную им систему военно-колониального управления краем, были символом царского владычества в Средней Азии и уже не впервые прибегали к вооруженному подавлению «беспорядков» на социальной почве.

телей, баев). В новейшей литературе подобного рода факты в известной мере освещены в публикации К. Ф. Касымбекова со ссылками на официальные источники³⁸. Добавим, что по прямому признанию колониальных властей, отголоски и влияние восстания сказывались и на обострении борьбы коренного трудового населения против действий кулаков-переселенцев из России, захватывавших его земли (Сырдарьинская обл. и др.).

Все это объясняет, почему царские власти с особой жестокостью и решимостью расправлялись с участниками Андижанского восстания и других связанных с ним событий. Тот же генерал Корольков в телеграмме на имя военного министра 24 мая 1898 г. указывал, что «андижанское восстание должно было быть лишь побудительной причиной всеобщего восстания, которое должно было начаться лишь после уборки ячменя. Это время вскоре наступает. Принимаем меры усиленной охраны железной дороги, ввиду того, что благонадежность лично состава строителей внушает опасения»³⁹. Добавим и свидетельство военного прокурора, генерал-майора Долинского о составе участников восстания 1898 г.: «поденщики (мардикеры), нищие, мелкие торговцы-разносчики, полуоседлые киргизы и кипчаки, узбекские дехкане, духовные лица, б. офицеры Кокандского ханства, а также всякий бродячий люд... терять которому нечего»⁴⁰.

Ограничимся сказанным, добавив, что и с учетом всех фигурировавших выше фактов остается в силе первоочередной, крайне существенный и неотъемлемый вопрос о глубинных социальных истоках, корнях андижанских событий. Историки-марксисты призваны к тому, чтобы, анализируя то или иное историческое явление, подходить к нему аналитически, всесторонне, комплексно, уметь видеть за фактами их живую плоть, иногда как раз и ускользающую за внешней стороной дела.

Если под этим углом зрения подойти к оценке андижанских событий, едва ли будет верным безоговорочно, от начала и до конца, оторвать и начисто изолировать его от реальной обстановки конца 90-х годов XIX в. в колониальном Туркестане.

Позволительно спросить: мог ли установленный здесь царизмом жестокий колониальный режим, способствовавший усилению и обострению социального и национального гнета, росту эксплуатации, бесправия и подавленности трудящихся масс коренного населения, не вызывать в этих массах чувств недовольства, протеста, озлобленности. Это было бы явлением совершенно противоестественным, противоречащим всему ходу и содержанию событий. В противном случае должен был бы следовать вывод об абсолютной пассивности тружеников Туркестана, об их повсеместно примиренческом, безропотном отношении к режиму колониального угнетения, а это было бы, конечно, выводом антиисторичным, насквозь субъективистским.

Другое дело, что именно в конкретной обстановке конца тех же 90-х годов (страшная забитость населения, почти сплошная его неграмотность, оторванность от центров политической жизни, часто безраздельное влияние консервативного мусульманского духовенства, догм корана и шариата, религиозных и бытовых предрассудков, отсутствие общественных организаций трудящихся, засилье феодальных верхов и экономическая зависимость от них, крайняя слабость связей с местным

³⁸ Касымбеков К. Ф. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX — начале XX века. /Отв. ред. Х. Т. Турсунов. Ташкент, 1978. С. 43—65.

³⁹ ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 35, л. 267.

⁴⁰ Там же, л. 62—63 (см.: Касымбеков К. Ф. Указ. соч. С. 63).

отрядом рабочего класса и т. п.) протест против политики и действий колониальных властей мог приобретать характер не открытых, тем более вооруженных, выступлений, а протеста приглушенного, плохо осознанного, неорганизованного, проявлявшегося стихийно и разрозненно. А это и создавало почву и условия для использования антиколониальных настроений масс в интересах феодально-клерикальных кругов, что, заметим, и нашло свое отражение в андижанских событиях 1898 г.

Из сказанного вытекает вывод, что было бы напрасно для историков учитывать и принимать во внимание лишь те проявления национально-освободительного движения, которые представляли бы перед ними в своем чистом, первозданном, классическом облике. И наоборот: сбрасывать со счетов и огульно зачислять в разряд реакционных, вредных, антинародных явления и события, не укладывающиеся в рамки привычных и устоявшихся представлений. Применительно к специфическим условиям Средней Азии это означало бы (следуя народной поговорке) выплескивать вместе с водой и младенца и существенно обеднять историю освободительного движения в этом обширном регионе.

Со своей стороны, мы считаем, что при всех привходящих обстоятельствах (приведших к тому, что восстание 1898 г. оказалось возглавленным представителями реакционных феодально-клерикальных кругов) в целом это восстание по своей социальной сущности объективно носило черты антиколониального характера и уже в силу одного этого вливалось в русло освободительного движения, подтачивавшего устои ненавистного массам колониального режима царизма и предвещавшего его неминуемое падение, но уже в результате революционных событий общероссийского характера, а не в итоге стихийных и разрозненных выступлений крестьянства, не озаренных (говоря ленинскими словами) светом политического сознания.

Что касается антифеодального характера восстания, то о нем, думается, можно говорить в меньшей степени, косвенно, ограничительно, учитывая, что оно оказалось под определяющим воздействием самих феодальных (феодально-клерикальных) кругов, и прямолинейное, «лобовое» объявление его антифеодальным, как таковым, было бы, возможно, неоправданным. В то же время нельзя не учитывать и того фактора, что в реальных условиях того времени уже имело место переплетение форм и методов феодальной эксплуатации трудящихся масс с формами и методами эксплуатации, свойственными усиливающемуся проникновению в экономику края капитализма. Шел процесс сращивания низового административного аппарата колониальных властей с местной эксплуататорской верхушкой. Усиление гнета в его двойной сфере: феодальной и капиталистической — осуществлялось в условиях колониального режима. В этой обстановке чувства гнева и протеста, зревшие в массах, неминуемо должны были в конечном счете обращаться против всех форм эксплуатации, как капиталистических, так и феодальных. Вспышки выступлений антифеодального характера известны в истории края задолго до событий 1898 г. и в период, сопутствующий ему. И конечно же, восстание 1898 г. не следует искусственно отрывать от общего хода событий, ознаменованных вспышками антифеодальных и антиколониальных выступлений низов тех лет.

В новейшем однотомном «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1980. С. 57) Андижанскому восстанию посвящена предельно краткая заметка: «Андижанское восстание, антиколониальное движение

дехкан и мардикеров в Ферганской области в мае 1898 (2 тыс. участников). Феодалная знать и духовенство под лозунгом газавата пытались использовать восстание для восстановления Кокандского ханства. Подавлено царским правительством». Высказанное нами выше позволяет, полагаем, солидаризироваться с этим простым, лаконичным определением основной сути Андижанского восстания 1898 г.

Всем сказанным выше мы отнюдь не хотим, конечно, как-либо ограничить право отдельных исследователей держаться и других точек зрения на сущность Андижанского восстания. Возражения вызывают лишь попытки подменить творческое обсуждение вопроса и научную полемику с другими историками недвусмысленным и безоговорочным обвинением их в том, что они якобы высказывали свои взгляды вопреки историческим фактам и в качестве слепо послушных и безропотных исполнителей чьих-то непререкаемых повелений⁴¹.

В уже упоминавшейся выше статье на страницах «Правды Востока», написанной под впечатлением решений III пленума ЦК Компартии Узбекистана (октябрь 1986 г.), его принципиальных положений и глубоко справедливых указаний на существенные недостатки и нетерпимые негативные явления в деятельности обществоведов республики, М. Г. Вахабов остро и правильно говорил, в частности, о таком отрицательном явлении, как прекращение в республике научных дискуссий и теоретических сессий по важным историческим проблемам. Но именно поэтому автору, одному из старейших и опытнейших историков Узбекистана, не следовало бы одним росчерком собственного пера выносить, образно говоря, приговор, не подлежащий обжалованию, в адрес всех тех других историков, его собратьев по науке, которые позволяли себе высказывать иную точку зрения на восстание 1898 г., не совпадающую с точкой зрения автора статьи. Это, добавим, не соответствует духу нашего времени и многократным указаниям партии на необходимость свободного, творческого, в интересах дела обсуждения учеными спорных, недостаточно изученных научных проблем прошлого и настоящего.

В свое время один из сторонников взгляда на реакционный характер Андижанского восстания⁴² призывал исходить при изучении национальных движений из указаний И. В. Сталина о том, что к изучению национальных движений следует подходить аналитически, учитывая конкретные условия, и цитировал высказывание Сталина о том, что «несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений»⁴³.

Думается, что сторонникам противоположных точек зрения на сущность Андижанского восстания как раз и не хватало диалектического начала в подходе к делу и учета относительности и своеобразия подобных ему явлений. Это относится и к новейшему выступлению в печати уважаемого М. Г. Вахабова.

Как отмечает один из современных исследователей, «национально-освободительное движение в целом есть порождение развития капиталистических отношений в колониях и в самом общем виде — явление буржуазное. Однако в этом движении сосуществуют и нередко причудливо переплетаются разные течения. Что касается прошлых периодов,

⁴¹ Вахабов М. Г. Указ. статья (Правда Востока. 1986. 4 дек.).

⁴² См.: Якунин А. К вопросу об оценке характера национальных движений 30—40-х годов XIX века в Казахстане // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 55—64.

⁴³ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 143.

то подобные ситуации изучены довольно хорошо. Для идеологии антиколониальных движений XIX в., например, был характерен «феодалный национализм», выступавший под лозунгом возвращения к старым доколониальным порядкам. Известно также, что в идеологии ряда национально-освободительных движений переплетались демократические и консервативные черты. И такие движения были в целом прогрессивными в период, когда еще не сложилось собственно национально-освободительное движение под демократическими лозунгами»⁴⁴.

Полагаем, наконец, что в связи с ведущейся сейчас подготовкой к изданию восьмитомной «Истории Узбекской ССР» несомненно должно быть созвано совещание историков-специалистов для нового всестороннего обсуждения вопроса об Андижанском восстании 1898 г. и выработки наиболее точных выводов и формулировок. «Поиск истины,— как отмечает М. С. Горбачев,— должен идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних стереотипов»⁴⁵.

⁴⁴ Ким Г. Ф. XXVII съезд КПСС и задачи советского востоковедения//Народы Азии и Африки. 1986. № 5. С. 5.

⁴⁵ Коммунист. 1986. № 12. С. 4. Как замечает акад. С. Л. Тихвинский, справедливо притензии к историкам, которые, «отстаивая монополию на трактовку отдельных вопросов, прибегают к обвинениям в адрес тех, кто обосновывает другие точки зрения» (Тихвинский С. Л. Некоторые вопросы работы советских историков// Вопросы истории. 1986. № 12. С. 8).

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1987

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

К истории национально-освободительного движения народов Узбекистана

М. Г. ВАХАБОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНДИЖАНСКОМ ВОССТАНИИ 1898 ГОДА

В первом номере журнала «Общественные науки в Узбекистане» за 1987 г. за подписью его главного редактора, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупова и заместителя главного редактора, доктора исторических наук Б. В. Лунина опубликована статья под названием «Андижанское восстание. 1898 года в советской исторической литературе».

Статья всецело посвящена опровержению оценки выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г., данной мною в монографии «Формирование узбекской социалистической нации» на неполных двух страницах (200—202) в аспекте его отрицательного влияния на процесс подъема политической активности местных трудящихся и формирования национального самосознания узбекской нации.

Моя монография (на узбекском языке) вышла 30 лет тому назад, а на русском языке — в 1961 г. — с той же оценкой выступления Мадали Ишана, которая стала главным объектом критики в упомянутой статье. Теперь, спустя более 25 лет, журнал сделал эту оценку предметом дискуссии. Между прочим, ответственным редактором моей монографии на русском языке был тот же Б. В. Лунин, ныне выступающий критиком моей оценки выступления Ишана.

Причина появления этой статьи состоит в том, что я в своей статье «Правде истории вопреки», опубликованной 4 декабря 1986 г. в газете «Правда Востока», указал, что и в Академии наук Узбекистана в 60-х годах появились своего рода «удельные властелины».

Прежде чем излагать свои тезисы по этому вопросу, в порядке справки хочу заявить, что я до 60-х годов проблемой события, случившегося в ночь с 17 на 18 мая 1898 г. в Андижане, специально не занимался. При подготовке второго издания «Истории Узбекской ССР» как зав. отделом новой истории Узбекистана (колониальный период) я принимал участие в редактировании второй книги первого тома. Раздел присоединения Средней Азии к России и народных движений редактировал В. Я. Непомнин, вопросы культурного строительства — Т. Н. Кары-Ниязов, а я — вопросы социально-экономической обстановки в колониальный период.

Подготовка этого издания происходила непосредственно после X пленума ЦК КП Узбекистана (1952 г.). Как известно, на этом пленуме были буквально «разгромлены» некоторые историки как объективисты за то, что они объявили выступление Мадали Ишана народным восстанием.

Глава вторая указанного тома, где освещено так называемое Андижанское восстание 1898 г., была написана В. Я. Непомниным. Здесь же было сказано: «Характер и лозунги андижанского восстания свидетельствуют о его глубоко реакционном, антинародном характере, и оценка этого выступления в первом издании II тома «Истории народов Узбекистана» как национально-освободительного и народного движе-

ния является совершенно неправильной и ошибочной» (с. 99). Эта фраза принадлежала не мне, а автору и редактору этого раздела В. Я. Непомнину. Это хорошо знает и заместитель главного редактора журнала «Общественные науки в Узбекистане», доктор исторических наук Б. В. Лунин. Зачем же так многозначительно подчеркивать, что редактором указанного тома был М. Вахабов?! Можно М. Вахабова ругать за то, что он бывшего вице-президента Академии назвал «удельным властелином». Это право авторов статьи, но зачем же путать фактически историю вопроса путем таких «безобидных» построений?

Теперь, почему я эту непререкаемую власть вице-президента связал с оценкой выступления Мадали Ишана? Дело в том, что в связи с завершением своей монографии «Формирование узбекской социалистической нации» я должен был рассмотреть все общественно-политические явления колониального и советского периодов в свете их влияния на процесс ее формирования. Именно в этом аспекте я в 1958—1959 гг. специально изучал и события 90-х годов, в частности выступление Мадали Ишана 17 мая 1898 г. И пришел к выводу, что в 80—90-х годах в Туркестане в результате усиления колониальной политики царизма происходило массовое разорение местных трудящихся и на основе этого начало формироваться освободительное движение не только против колониального гнета, но и против феодально-байской эксплуатации их. Об этом мною было сказано неоднократно: в «Истории Узбекской ССР» (в одном томе), во второй книге I тома «Истории Узбекской ССР» (второе издание), во втором томе «Истории Узбекской ССР» (третье издание), в монографии «Формирование узбекской социалистической нации» и в других работах.

Этот процесс детально освещен во второй главе моей книги «Формирование узбекской социалистической нации» на с. 86—236. В указанной статье два раза подчеркивается, что М. Вахабов, подробно оставившаяся на биографии Мадали Ишана, обходит молчанием положение трудящихся масс и т. д. А на самом деле в моей книге, ставшей главным объектом критики, выступлению Мадали Ишана отведены всего две страницы (200—202). Так мог бы сказать человек, не видевший мою книгу. Но как мог утверждать это Б. В. Лунин, который был ответственным редактором этой книги?! Авторы статьи фактически обвиняют меня в том, что якобы я вообще отрицаю классовую борьбу в 80—90-х годах. И неоднократно повторяют, что классовая борьба была, но она происходила под религиозной оболочкой. Если они в моей книге не увидели классовую борьбу, то или они ее не читали, или идут против истины!

Изучая события 17 мая 1898 г., т. е. выступления Мадали Ишана, я пришел к выводу, что оно не было связано с ростом освободительного движения трудящихся масс Ферганской долины, что необходимо отделить его от освободительного движения. (Подробно об этом в порядке дискуссии скажу ниже). Следовательно, я не разделяю положения первого издания «Истории народов Узбекистана», объявившего события 17 мая 1898 г. общенародным восстанием, расшатавшим устои царизма, и второго издания — из-за выступления Мадали Ишана, сводившего на нет усиление народного движения в 80 и 90-х годах.

В середине 60-х годов Институт истории Академии наук УзССР приступил к подготовке третьего издания «Истории Узбекской ССР». Я, как и во втором издании, был автором главы «О социально-экономических отношениях в Узбекистане в начале XX века» и членом редакционной коллегии тома.

В 1967 г. рукопись тома была подготовлена, и я как член редколлегии получил его макет. Ознакомившись с ним, я увидел, что авторы III главы В. Я. Непомнин и Х. Т. Турсунов, вопреки своей позиции во

втором издании этого тома, совершенно изменили оценку выступления Мадали Ишана, объявив его восстанием народных масс.

По этому поводу, как член редколлегии книги, я обратился к вице-президенту Академии И. Муминову и просил организовать специальное обсуждение этого вопроса. В ответ он мне сказал: «Мы так решили, нечего обсуждать». После этого я со специальным письмом обратился к президенту Академии А. С. Садыкову. Однако ответа на свое письмо не получил. Вскоре мне стало известно, что рукопись сдана в набор, но я не числюсь в составе редколлегии. Книга вышла в свет с оценкой выступления Мадали Ишана как восстания трудящихся не только в Андижане, но и во всей Ферганской долине.

Я был далек от мысли требовать принятия моих тезисов во что бы то ни стало. Но сам факт пересмотра оценки события 17 мая без обсуждения свидетельствует о «мощи», «власти» вице-президента.

Пользуясь тем, что теперь, после почти 30 лет, снят «запрет» в республике на всякую устную и печатную дискуссию по историческим проблемам и в связи с открытием на страницах академического журнала «дискуссии» по проблеме «восстания 1898 г.», позволю себе снова изложить свои тезисы по выступлению Мадали Ишана 17 мая 1898 г., которые хотел я выдвинуть на рассмотрение моих коллег еще более 20 лет тому назад.

Вот мои тезисы:

1. То, что в 80—90-е годы XIX в. в результате усиления колониального гнета и феодально-капиталистической эксплуатации трудящихся масс зарождается и быстрыми темпами развивается освободительное движение местных трудящихся Туркестана, ни у кого ни малейшего сомнения не вызывает. Одна из ценностей третьего издания «Истории Узбекской ССР» состоит в том, что в нем приведены яркие факты о выступлениях трудящихся до мая 1898 г. Однако ни в одном случае не видно, что они имели религиозную оболочку. Они были направлены не только против царских чиновников-русских, но и местных эксплуататорских элементов — в лице аксакалов, мирабов, баев и т. д. Следовательно, в формировании и развитии освободительного движения в этот период религиозные мотивы никакой роли не играли. Это не случайно. Царские правители еще со времен правления Екатерины II по отношению к мусульманским народам не предпринимали попыток религиозного притеснения, ущемления религиозных чувств. Наоборот, они по отношению к мусульманскому духовенству проводили политику заигрывания. Это нужно было для завоевания симпатии правителей мусульманских государств Востока.

Следовательно, освободительное движение трудящихся в этот период развивалось без религиозной оболочки, как социальное движение и против колониального гнета, и против феодально-капиталистической эксплуатации.

2. Движение местных трудящихся в 90-е годы достигло только уровня крестьянских бунтов, еще не поднялось до уровня массовых крестьянских восстаний, имеющих более или менее организованный характер и происходящих на основе определенной программы, т. е. продуманных общих целей.

Попытка преувеличить уровень освободительного движения масс в этот период имела место в третьем издании «Истории Узбекской ССР», а в указанной статье получила яркое выражение. У ее читателей создается впечатление, что якобы в результате выступления Мадали Ишана в ночь на 18 мая и в последующие дни было массовое восстание не только в Фергане, но и по всему Туркестану. Для доказательства этого, кроме официальных донесений колониальной, администрации в Петербург, которые имели предварительный, информа-

ционный характер, приводят «Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии» и даже «Воспоминание» жены генерал-губернатора Туркестанского края Варвары Духовской¹. На основе всего этого авторы фактически утверждают, что выступление Мадали Ишана в мае 1898 г. ознаменовало собою концентрированное выражение восстания трудящихся всего края.

По этому вопросу мой тезис сводится к следующему.

Вплоть до мая 1898 г. происходило постепенное нарастание освободительного движения местных трудящихся. Выступление Мадали Ишана нарушило объективный ход развития этого процесса, дало повод царскому правительству для заглушения народного недовольства на определенный период, которое не «расшатало устои царизма», а послужило причиной ослабления процесса роста освободительного движения.

Для обоснования этого положения рассмотрим деятельность Ишана включительно до ночи 17 мая. Вместе со своими единомышленниками он, начиная с 1895 г., приступил к подготовке газавата для захвата Ферганской долины и восстановления Кокандского ханства в прежних границах. Он был недоволен тем, что были значительно сокращены компетенции казней, привилегии духовенства — отобрано имущество некоторых категорий вакуфов, якобы началась порча нравов мусульман (имелось в виду прогрессивное влияние передовой культуры русского народа на жизнь и быт мусульман, появление новометодных и русско-туземных школ), ограничение поездок на паломничество в Мекку и т. д. Этим и определялась его программа действий. Как видно, эта программа ничего общего не имеет с целями борьбы народных масс, поднявшихся против царизма и феодально-капиталистической эксплуатации. В духе этой программы широкую пропаганду вели его каландары и маддахи, странствовавшие по городам Туркестана. Их призывы не доходили до трудящихся, кроме его мюридов из числа городских люмпен-пролетариев (в официальных документах — «бездомные»), верхушечных слоев киргизов Алайской долины, лишившихся захваченных ими в прошлом земель и возможности эксплуатировать казахскую и киргизскую бедноту. Несмотря на это он, уверенный в силе лозунга газавата, в чрезмерном фанатизме трудящихся масс, приступил к организации газавата.

Например, осенью 1897 г. он разослал многим «влиятельным» лицам Туркестана письма следующего содержания: «...Ныне наступает конец мира. Широко распространилась всякая мразь и разложение, мир окутан мраком безбожья и все мусульмане оказались под тяжелым гнетом. Устранить эту мразь и безобразия для нас стало «фарзом» — божьим велением. Ибо об этом до Вашего покорного слуги дошел голос «неба», (т. е. пророка). Мы ожидая долго шли до удобного момента. Теперь наступило время, дальше ждать невозможно. Всем мусульманам газават («джихад») стал «фарзом». Не надо упускать возможности. Для освобождения от деспотии русского государства необходимо организовать газават и помогать участникам газавата — это не только необходимо, но «фарз», т. е. божье веление. Поэтому покорно просим Вас 15 шаввала (примерно середина сентября) прибыть в наш дом в Минг-Тепе для обмена мнениями по этому поводу»².

Некоторые его единомышленники, получив такое письмо, уничтожали его, отдельные из них писали ответ Ишану. Например, один из круп-

¹ Между прочим, этот «Протокол» и «Воспоминание» — единственные новые документы, которые авторы ввели в научный оборот. Остальные факты уже давно известны.

² Фазилбек Отабек огли. Восстание Дукчи Ишана. Самарканд—Ташкент, 1927. С. 30—31.

ных баев Андижана Махмуд Алибай направил ответ следующего содержания: «...Да будет известно Вашей светлости, письмо, отправленное Вами, до нас дошло. В ответ осмелюсь заявить, что русский царь — сильный царь. Выступать против него очень трудно. Боюсь, что в результате, оказавшись бессильными, не создадим ли мы еще большие беспорядки. Если начав победим, — хорошо. В противном случае, будет очень плохо. В эти дни все города связаны железной дорогой, подбросить солдат из одного города в другой легко. Мы не имеем права запретить Вам. Однако неплохо было бы всесторонне обдумать и посоветоваться прежде, чем начать дело. Конечно, ни один мусульманин не хочет остаться под властью этого деспота. Так же, как города стали тесными нам — узбекам, горы стали тесными киргизам, а Туркестан стал тесным мусульманам.

Что поделаешь, у нас выхода нет. В наших руках ничего нет. Не имеем ни сил, ни средств. Все же, как бы то ни было, необходимо подумать о судьбах людей»³. Эти письма свидетельствуют об оторванности Ишана от народных масс, об отсутствии связи его с трудящимися.

Несмотря на это, Ишан организовал выступление 17 мая. И по судебным материалам, и по свидетельству того же Фазилбека Отабекова — очевидца этих событий, Ишан планировал в эту ночь захватить город Андижан, уничтожив солдат в крепости, организовать газават против русских, захватить город Фергану, подняв население Маргелана на газават, захватить Наманган, подняв население Оша — тоже на газават. Отряд, посланный в Маргелан под командой Иноятхана Ишана, явился в Маргелан, однако на его вызов на газават никто не поднялся. Поэтому он направился в Андижан для присоединения к Мадали Ишану. По пути напал на агрономический участок в селении Хоканда, захватив агронома Сафония Бычкова, зарезал и, его кровью окрасив платок, поднял его как знамя газавата, а отрубленную голову принес Мадали Ишану.

Отряд, посланный в Ош, тоже не мог поднять население на газават, был разбит силами полиции и распался.

Волостной управитель Куллакской волости Мулла Ганбазар Артык хаджа огли тоже пытался поднять население на газават. Здесь так же никто на вызов не явился, и он направился в Андижан только со своим малочисленным отрядом, по пути он тяжело ранил служащего Дробышева, ехавшего из Кувы в Маргелан, который хотя и спасся, но скончался в больнице.

Подробности похода самого Мадали Ишана всем известны. Поэтому о нем детально говорить не будем. Только заметим, что когда он вышел из Минг-Тепе, в его отряде, как говорят, якобы было примерно 1000 человек, по пути ему удалось поднять очень мало людей. По сообщениям полиции, на крепость напало примерно 2000 человек. Хотя никто не считал, сколько их было, но даже если их было 2000 человек, является ли это важным фактором, когда в этот период население одного только Андижана составляло 48000 человек? Однако из населения Андижана тоже в эту ночь на газават никто не вышел. Окружение крепости и нападение на солдат продолжалось не более 2 часов.

По материалам суда известны и такие факты, когда многие жители кишлаков по пути из Минг-Тепе до Андижана, а их было 29, были подвергнуты избиениям за отказ от участия в газавате. Например, отряды Ишана Карабая Аббасова и Саримсака Шербаева за отказ от участия в походе на Андижан напали на дом Юлдаша Муллы Халматова и его соседей, разграбили их имущество, а их самих избили.

Авторы второго тома «История Узбекской ССР» факт поездки участников выступления Ишана в Маргелан и Ош для подъема насе-

³ Там же. С. 31.

ления на газават оценивают как выступление их населения. Появление разбежавшихся участников выступления в тех или иных кишлаках 18 и 19 мая тоже объявляют выступлением повстанцев. А фактически уже с 18 мая не было ни одного сколько-нибудь значительного выступления. А после бомбардировки кишлака Минг-Тепе на некоторое время вообще прекратились даже отдельные стычки, бунты и налеты крестьянских отрядов.

Конечно, выступление Мадали Ишана с лозунгом газавата, как неожиданное событие, произвело большое впечатление не только на простое русское население, но и на туркестанскую администрацию. Среди населения распространялись различные слухи. Это видно и из газетных сообщений этих дней. После этого события администрация края объявила военное положение не только в Ферганской долине, но и в ряде других уездов и областей.

Исходя из всего этого, мы считаем, что необходимо совершенно отделить выступление Мадали Ишана от освободительного движения трудящихся. Ибо оно с ним ни организационной, ни идейной связи не имело. О нем нужно говорить не как о «религиозной оболочке политического протеста трудящихся», а как о попытке Ишана использовать освободительное движение трудящихся в целях их закабаления снова и как явлению, нанесшем огромный вред нормальному развитию по пути сближения и слияния с революционным движением российского пролетариата. Вот мой тезис по оценке выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г. Только в этом я не согласен с авторами 3-го издания.

Авторы статьи для того, чтобы сделать выступление Мадали Ишана концентрированным выражением, кульминацией развития освободительного движения, превращения его в общенародное восстание, упускают некоторые конкретные факты, которые могли бы помочь правильно оценить события 17 мая 1898 г. При таком, по их мнению, якобы повсеместном выступлении крестьянства, охватившем почти все районы края, царской администрации удалось привлечь к ответственности всего 777 человек, из них по Ферганской долине — 415 человек. Дела остальных 362 арестованных в других областях края не были приобщены к делу участников выступления Ишана. У нас нет фактов, свидетельствующих о том, что они принимали участие в этом событии или выступали под лозунгом газавата. Вероятно, многие из них были те люди, которые, независимо от лозунгов Ишана, находились под надзором полиции.

Кроме того, параллельно с судебным процессом над участниками выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г., 12 и 13 июля того же года шел процесс над крестьянским отрядом Мухаммад Зия Мулла Каримбаева, действовавшим в кишлаках Андижанского и Маргеланского уездов в количестве 32 человек. Отряд был ликвидирован в конце 1897 г. Из подсудимых 30 человек были приговорены к смертной казни и два — к каторге. Позже из 30 человек были казнены только три, а 27 — казнь была заменена каторгой сроком на 20 лет. И эта группа не имела никакой связи с Мадали Ишаном⁴.

Далее, в результате судебного разбора по восьми группам, примкнувшим к выступлению Мадали Ишана, 32 человека были оправданы, как ошибочно арестованные. Из оставшихся 383 человек, привлеченных к суду, 283 были приговорены к смертной казни, 100 человек — к каторге и тюремному заключению на разные сроки (в основном 15—20 лет). Вынеся смертный приговор согласно закону за антигосударственное выступление, суд считал возможным пересмотреть его в сторону смягчения на основе того, что они в силу неграмотности и малокультурности верили Ишану и пошли за ним на газават.

⁴ Туркестанские ведомости. 1898. № 53.

Например, суд, вынося смертный приговор по отношению 46 участников выступления по II группе, в конце приговора записал: «Вместе с тем суд, определив наказания по всей строгости законов, нашел возможным, что все подсудимые, кроме 11-ти ниже поименованных, заслуживают снисхождения вследствие крайней их неразвитости, а также легкомыслия, которыми пользовался Ишан и вовлек их в преступление, пользуясь тем, что приближенные его распустили слухи о том, что Ишан слышал голос пророка о призыве к газавату и, что... отказ от этого — «грех»⁵. В дальнейшем из 46 приговоренных к смертной казни казнили только 9 (через повешение), а остальным смертная казнь была заменена каторжными работами на разные сроки. Из 48 участников третьей группы приговоренных к смертной казни только 3 были повешены, а «остальные же (45 человек) были признаны вовлеченными в заговор, благодаря своей неразвитости и легкомыслию»⁶.

Все 106 участников выступления IV группы, приговоренные к смерти, по той же причине были отправлены на каторгу. Приговор о смертной казни всех 77 подсудимых по V, VI, VII, VIII группам тоже был заменен каторжными работами на разные сроки.

Таким образом, из 283 приговоренных к смертной казни были повешены 18 человек, а остальные 265 человек и еще 100 сразу приговоренных к каторге были отправлены на каторжные работы на разные сроки: 179 человек — на 20 лет, 37 — на 15 лет, 149 — менее чем на 15 лет (многие из них с каторги не вернулись). И каторжные работы явились очень тяжелым наказанием.

Эти факты говорят о том, что основную массу участников выступления составляли те люди, которые группировались вокруг Ишана как его мюриды, а не те крестьяне и ремесленники, которые до 17 мая и после выступали во всех районах Туркестана против колониального гнета и феодальной, капиталистической эксплуатации — без всякой религиозной оболочки. На наш взгляд, этот реальный факт не менее важен, чем «Протокол кружка любителей археологий» и воспоминания госпожи Варвары Духовской.

Что касается «свидетельства военного прокурора, генерал-майора Долинского о составе участников восстания 1898 г.», то оно правильно, никто не считает, что в эту ночь выступали одни ишаны, муллы и крупные феодалы. Ибо они знали, кто такой Ишан, и не верили в его «чудеса». Об этом свидетельствует ответ Махмуда Алибая из Андижана на письмо Ишана, приведенный выше.

Всем известно также осуждение Мадали Ишана такими передовыми представителями узбекской демократической интеллигенции, как Мукими, Фуркат, Завки и др., как авантюриста. Это тоже не менее важно, чем воспоминания генеральши Варвары Духовской.

Теперь о лозунге газавата, возведенном в религиозную оболочку политического протеста крестьянских масс.

Прежде всего мы считаем, что газават (джихад) не может быть религиозной оболочкой политического протеста трудящихся. Он являлся мусульманским народам. Вот некоторые положения Корана об отношении мусульман к немусульманским народам: «Верующие не должны братья реализацией основных положений Корана по отношению к немусульманам и будь жесток к ним»; «Когда встретитесь с неверными (в бою), то отсекайте с них головы дотоле, покуда не сделаете совершенного им поражения» и т. д. Имея в виду такие положения Корана, К. Маркс в статье «К истории возникновения восточного вопроса» писал: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство

⁵ Там же. № 50.

⁶ Там же. № 54.

сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»⁷.

Таковы положения Корана по отношению к немусульманским народам. Поэтому в «шариате» (своде законов ислама) газават отнесен в раздел «О государственном праве». Все мусульмане обязаны участвовать в газавате как лично, так и материальной поддержкой государству. С этой целью введен особый государственный налог «закят» — для проведения главным образом газавата. Следовательно, газават — не оборонительная, а агрессивная, грабительская война. К. Маркс в указанной выше статье писал: «В этом смысле пиратские корабли берберских государств были священным флотом ислама» (имеются в виду государства, существовавшие в Северной Африке в средние века). Газават — не только грабительская война, но и война за физическое уничтожение немусульманских народов. Объявление газавата «религиозной оболочкой политического протеста равносильно объявлению «крестовых походов» «религиозной оболочкой политических протестов трудящихся». В газавате отрубить голову немусульманину считалось не только воинским подвигом, но и исполнением своего долга перед богом (фарзом).

Несмотря на это, авторы статьи проявляют большое упорство в стремлении доказать, что лозунг газавата Мадали Ишана — религиозная оболочка политического протеста трудящихся масс Туркестана против колониального гнета царизма. С этой целью они три раза цитируют труды Ф. Энгельса и восемь раз — труды В. И. Ленина. При цитировании трудов классиков марксизма-ленинизма авторы зачастую допускают произвольное толкование их высказываний, а иногда выбирают часть фразы, подчиняя ее своим тезисам.

Вот конкретные примеры. Правильно констатируя, что «некоторые аспекты истории освободительного движения в Среднеазиатском регионе до сих пор не получили своего точного и бесспорного истолкования», авторы дальше пишут: «Наглядный пример тому — Андижанское восстание 1898 г., обратившее на себя внимание В. И. Ленина...» (указ. журнал, с. 18). Здесь явно проступает попытка авторов утверждать, что Ленин якобы положительно оценил это событие. Рассмотрим высказывание В. И. Ленина. Он пишет: «Книга посвящена **только Туркестану**, — его истории, колонизации (между прочим Андижанское восстание 1898 года; автор предостерегает и впредь)...

Развитие культуры, хлопка, железных дорог etc. etc. Много указаний литературы... Точка зрения, кажись, казенная»⁸. Здесь В. И. Ленин оценивает не восстание 1898 г., а точку зрения автора книги «Борьба цивилизации и языков в Центральной Азии» П. Кузнецова, которую он изучал. Как известно, В. И. Ленин по крупицам собирал материалы о выступлениях против колониальной политики царизма и использовал их в своих работах для разоблачения самодержавия. Если он считал бы это выступление Ишана революционно-освободительным, то непременно использовал бы его в своих работах. Трудно предполагать симпатию В. И. Ленина к такому выступлению с лозунгом газавата, когда он всегда предостерегал от опасности панисламизма в России. Это видно даже из его выписки из книги Отто Гётча «Русский Туркестан», включенной в этот же 28 том Полного собрания сочинений (с. 513—516), где он неоднократно подчеркивает опасность панисламизма в России, в особенности в Туркестане.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 167.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 191.

Для того, чтобы подкрепить тезис о том, что проявление политического протеста трудящихся крестьян под религиозной оболочкой якобы является общей закономерностью классовой борьбы в период феодализма, авторы статьи пишут: «Классиками марксизма-ленинизма четко и ясно показана закономерность религиозной окраски стихийных крестьянских выступлений не только в средние века, но и в более позднее время». Эту свою мысль они пытаются подтвердить следующими высказываниями Ф. Энгельса: «Если эта классовая борьба протекала тогда [в средние века] под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»⁹. И далее: «В XIII—XVIII вв.,— пишут они,— религиозную окраску принимали, как правило, все исторические движения. Эта окраска «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека... но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию»¹⁰, ибо «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»¹¹.

Для того, чтобы доказать, что якобы выступление Мадали Ишана было религиозной оболочкой политического протеста трудящихся Туркестана против колониальной политики царизма, авторы, цитируя часть фразы В. И. Ленина из его статьи «Проект программы нашей партии», пишут: «И Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития...» И уж,— говорят они,— конечно, оно было свойственно и не могло быть не свойственным дехканским массам Ферганы конца XIX в. Напомним, что спустя более чем 20 лет, уже в первые годы Советской власти (1919 г.), В. И. Ленин вынужден был констатировать, что народы Средней Азии еще «всецело в подчинении у своих мулл»...»

Из всего этого вытекают следующие выводы:

1. Религиозная окраска стихийных крестьянских выступлений является общей закономерностью не только средних веков, но и более позднего времени (?!).

2. Она объясняется не субъективными, религиозными потребностями людей, а условиями средних веков, т. е. тем, что тогда идеология состояла только из религии и теологии.

3. В результате этого «чувства масс были вскормлены только религиозной пищей».

4. Поэтому для того, чтобы поднять массы на активную борьбу, «необходимо было их интересы представлять в религиозной одежде».

5. Эта «религиозная одежда» классовой борьбы была присуща всем крестьянам, в том числе и крестьянам Ферганской долины в конце XIX в.

6. Это констатировал и В. И. Ленин даже в 1919 г., после победы Октябрьской революции.

Если верить этому «теоретическому» положению, то позволительно спросить у его авторов, почему крупные крестьянские войны в России под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева не имели религиозной одежды? Ведь они тоже происходили в период средневековья, тогда и в России тоже единственной идеологией была религия и теология. Как согласуется это «теоретическое» положение с фактом резкого отмежевания местных трудящихся в ли-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 360.

¹⁰ Там же. Соч. Т. 21. С. 294.

¹¹ Там же. С. 314.

це «Советов местных трудящихся» от организации «Шурои Ислам» и общества «Улема» после Февральской революции и кровавого столкновения между ними осенью 1917 г.— во время выборов в городские думы в Самарканде и Коканде? Как согласовать высказывания В. И. Ленина, которого цитируют авторы статьи, с его же высказыванием на II Конгрессе Коминтерна о том, что опыт русских коммунистов в Туркестане показал, что «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»¹².

Все эти реальные исторические факты не вписываются в «теоретические» положения авторов статьи.

На наш взгляд, они не учли того, что выступление «политического протеста трудящихся в период феодализма под религиозной оболочкой» не является, как они утверждают, общей закономерностью. Слова о том, что «в средние века чувства масс были вскормлены только религиозной пищей», взятые ими из труда Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», были сказаны им не как причина выступления классовой борьбы крестьян в религиозной оболочке, а совершенно по другому поводу.

Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», как известно, не ставил перед собой задачу обосновать «выступления политического протеста крестьян в религиозной оболочке» как общую закономерность крестьянского движения, а раскрыл причины кризиса немецкой классической философии, а также показал объективные и субъективные условия зарождения марксистской философии. Критикуя Л. Фейербаха, утверждавшего, что «периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии», Ф. Энгельс пишет, что «даже в сфере распространения христианства революции, имевшие действительно универсальное значение, принимают эту окраску (т. е. религиозную.— М. В.) лишь на первых ступенях борьбы буржуазии за свое освобождение, от XIII до XVII веков включительно. И это объясняется не свойствами человеческого сердца, а не религиозной потребностью человека, как думает Фейербах, но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию. Но когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла для того, чтобы создать свою собственную идеологию, соответствующую ее классовому положению, она совершила свою великую и законченную революцию — французскую, апеллируя исключительно к юридическим и политическим идеям и думая о религии лишь постольку, поскольку эта последняя преграждала ей дорогу»¹³. Продолжая эту же мысль далее, он писал: «Насильственные меры Людовика XIV только облегчили французской буржуазии возможность осуществить свою революцию в нерелигиозной, исключительно политической форме...»¹⁴ (подчеркнуто нами.— М. В.). На с. 314 Ф. Энгельс говорит не об обязательном выступлении крестьянского движения «в религиозной одежде», как трактуют это место авторы статьи, а о причинах того, почему немецкая буржуазия вынуждена была революционные движения одевать «в религиозную одежду». Чтобы понять подлинный смысл положения Ф. Энгельса и вольность, допущенную авторами статьи в его толковании, мы позволим себе более полно процитировать и это место его труда. Ф. Энгельс писал: «...А когда окрепло бюргерство (немецкая буржуазия,— М. В.), в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь... Средние века присоединили к теологии и превратили

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 244.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 294.

¹⁴ Там же. С. 315.

в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять (бюргерством.— М. В.) им (т. е. массам.— М. В.) в религиозной одежде»¹⁵.

Даже без особых комментариев видно, что здесь Ф. Энгельс не объявляет выступления крестьянства в «религиозной одежде» всеобщей закономерностью исторического развития. Речь идет о попытке немецкой буржуазии использовать то обстоятельство, что в средних веках все формы идеологии: философия, политика, право и другие — были превращены в подразделения теологии, в силу этого она пыталась использовать религиозное недовольство народных масс против католической церкви, в борьбе против феодализма. Вот о чем говорил Ф. Энгельс на страницах своего труда, разоблачая идеализм Фейербаха в объяснении общественных явлений. Разве можно так вольно использовать основополагающие высказывания его, приспособляя их к своим тезисам о правомерности газавата?!

Причина выступления политического протеста крестьян под религиозной оболочкой самим Ф. Энгельсом четко была показана в той же его работе «Крестьянская война в Германии». Она состояла в том, что в средние века католическое духовенство распалось на две части: аристократическую и плебейскую. «Аристократический класс,— говорил Ф. Энгельс,— составляла духовная феодальная иерархия: епископы, архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. ...Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали так же бесстыдно». Далее, подробно показывая их действия, Ф. Энгельс писал: «Привольная жизнь откормленных епископов, аббатов и их армии монахов вызвала зависть дворянства и негодование народа, который должен был все это оплачивать, и это негодование становилось тем сильнее, чем больше бросалось в глаза кричащее противоречие между образом жизни этих прелатов и их проповедями»¹⁶. Далее Ф. Энгельс указывает, что из Германии в Рим ежегодно текли огромные суммы денег, и возрастание в результате этого гнета усиливало ненависть к римским папам. Против их гнета поднялись все классы и слои германского общества, имеющие разнообразные и противоречивые интересы, а основной и движущей силой были крестьяне. Всех их объединяло требование возвращения к первоначальному христианству, восстановление «Священного писания» (Библии), вместо действующих «Священных преданий» (решений католических церковных соборов, суждений римских католических пап и т. д.). Это требование, как известно, легло в основу «реформаторства» и формирования «протестантства». В этом основную роль играла плебейская часть духовенства, состоявшая из местных городских и сельских священников. «Из их рядов,— указывает Ф. Энгельс,— выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили из-за этого свою жизнь на эшафоте»¹⁷.

Таким образом, причина выступления в Европе политического протеста трудящихся в религиозной оболочке была в том, что верхушка римской католической церкви превратилась во всемогущий феодальный слой, сам феодальный гнет переплетался с религиозным гнетом и, в силу этого, сама феодальная эксплуатация облачалась в религиоз-

¹⁵ Там же. С. 314.

¹⁶ Там же. Т. 7. С. 351 (подчеркнуто нами.— М. В.).

¹⁷ Там же. С. 352.

ную одежду. Следовательно, политический протест трудящихся принимал религиозные черты в ответ на феодальный гнет, выступавший в религиозной оболочке. Значит, там, где феодальный гнет выступал открыто, политический протест трудящихся против него тоже выступал открыто — без всякой религиозной оболочки. А в истории таких выступлений трудящихся было немало. Например, в условиях Узбекистана восстания трудящихся Ташкента против бухарского эмира Имам Кули-хана в 1613 г. и против кокандского хана в 1847—1850 гг., восстание киргизов Алайской долины и трудящихся Кокандского ханства в 1872—1875 гг. не имели религиозной оболочки, не говоря уже в целом о восстании 1916 г.

Авторы статьи, пытаясь одеть политический протест трудящихся в религиозную одежду, представляя это как общую закономерность, неправильно интерпретируют высказывания В. И. Ленина в статье «Проект программы нашей партии». Как известно, В. И. Ленин в этой статье, возражая против тех, кто объявлял русских крестьян религиозными, не способными к политической борьбе, поставил вопрос — «способно ли хоть отчасти наше крестьянство на *революционную* борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом?», и ответил: «...Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков..., известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве... против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающихся голодовок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличие революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению»¹⁸. Как видно, В. И. Ленин, давая всестороннюю характеристику крестьянскому движению, подчеркивает, что «выступление политического протеста крестьян под религиозной оболочкой» происходит не всегда, а на определенных этапах и условиях его развития, и что это присуще не только русскому крестьянству, но и всем народам на определенном этапе их развития. Здесь важны два момента: первый — религиозность — не единственная черта крестьянского движения, второй — она обусловлена конкретными условиями развития, а не есть постоянно действующий фактор. Авторы статьи из этого высказывания В. И. Ленина выбрали только одну часть «религиозности» и преподнесли ее как общую закономерность.

Такую же неправильную интерпретацию они допустили по отношению высказывания В. И. Ленина против Бухарина на VIII съезде партии. Как видно из процитированного выше нами высказывания авторов статьи, якобы спустя более 20 лет после событий 17 мая 1898 г., уже в первые годы Советской власти (1919 г.), В. И. Ленин вынужден был констатировать, что народы Средней Азии находились еще «всецело в подчинении у своих мулл». Читая эту выдержку, думаешь, как будто бы В. И. Ленин вел спор с кем-то о степени религиозности народов Средней Азии и вынужден был констатировать, что пока они всецело в подчинении у своих мулл.

А на самом деле, всем известно, что спор шел не о степени религиозности трудящихся Туркестана. Спор шел о необходимости включения во вторую Программу партии лозунга «право наций на самоопре-

¹⁸ Ленин В. И. Полн., собр. соч. Т. 4. С. 228 (подчеркнуто нами.— М. В.).

деление». Против этого выступали Бухарин и его единомышленники, требуя включить в Программу «право трудящихся на самоопределение». Ленин выступал против Бухарина на том основании, что не во всех еще нациях трудящиеся классы дифференцировались от «своих» эксплуататорских элементов, притом не только по уровню своего духовно-культурного развития, но и многим другим моментам. Он говорил о слабости дифференциации германских рабочих от германской буржуазии, финских рабочих от финской буржуазии, а также польских рабочих от польской буржуазии. Говоря о таких народах бывшей Российской империи, как башкиры и народы Средней Азии, находящихся на стадии перехода от докапиталистических отношений к капиталистической стадии, он отметил и значительное влияние религии ислама на них. При этих условиях, говорил он, мы не можем объявить «самоопределения трудящихся» вместо «самоопределения наций». Это использовали бы все враги большевизма. Имея в виду это, Ленин говорил: «Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-демократы не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыхах внести в Берлин»¹⁹.

Как видно, здесь речь шла не о степени религиозности народов Средней Азии, якобы служившей основой для правомерности газавата в ходе выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г., а о степени политической дифференциации внутри разных наций и народностей, на которую в определенной степени влиял и уровень духовно-культурного и экономического развития. Хотя духовно-культурное и экономическое развитие народов Средней Азии было значительно слабее, но это не мешало им воспринять идеи Советов и благодаря Октябрьской революции вступить на путь социалистического развития без всякой религиозной оболочки. Газават, правомерность которого авторы пытаются обосновать и высказыванием В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б), по поводу национальной программы партии, является не результатом низкого культурного, экономического и политического уровня масс и слабости их дифференциации, а следствием фанатизма, выработанного в сознании людей под воздействием чело́веконенавистнической пропаганды различных ишанов, пиров (духовных наставников). Не все люди с низким духовно-культурным уровнем были фанатиками, и среди фанатиков было немало людей из просвещенных сословий. Таким образом, попытка использовать высказывание В. И. Ленина на VIII съезде партии по поводу выступления Бухарина и его сторонников против «права наций на самоопределение» для обоснования революционности выступлений Мадали Ишана 17 мая 1898 г. с лозунгом газавата по меньшей мере является извращением действительности. Если даже после Октябрьской революции трудящиеся массы находились под религиозной оболочкой, выражением которой в Туркестане был газават, то как совершилась сама революция? Не послужит ли это подтверждением клеветнического измышления белоэмигрантов о том, что якобы революция была экспортирована в Туркестан русскими большевиками?!

Наконец, не могу не сказать несколько слов и по поводу того абзаца в статье, где говорится, что я свою статью в газете «Правда Востока» написал под впечатлением решений III пленума ЦК КП Узбекистана и якобы «одним росчерком собственного пера» вынес «приговор, не подлежащий обжалованию», в адрес всех историков, позволявших себе высказать иную точку зрения на восстание 1898 г. и т. д. (с. 30). Да, не скрываю, что я с большим воодушевлением воспринял решения III пленума. Ибо такого пленума я ждал более 20 лет, так

¹⁹ Там же. Т. 38. С. 160.

как после долгого перерыва III пленум открыл дорогу для принципиальной партийной критики имеющихся недостатков в области идеологической и воспитательной работы, квалифицировав их как «серьезный провал». То, что я ждал возможности высказать свое мнение по поводу событий 17 мая 1898 г., объявленного в середине 60-х годов обширным восстанием, охватившим всю Ферганскую долину, видно из истории этого же вопроса, изложенной мною выше. Когда в 1954 г. было подготовлено второе издание «Истории Узбекской ССР», «Проспект» его был обсужден на обширном заседании историков республики, на котором с докладом выступал автор и редактор первой главы этого тома В. Я. Непомнин. Плохо ли, хорошо ли, но здесь пересмотр оценки выступления Мадали Ишана подвергся широкому обсуждению. А при подготовке третьего издания пересмотр этого же вопроса не подвергался не только обсуждению среди широкого круга историков республики, но даже на узком заседании членов редколлегии. А мое письмо по этому вопросу осталось без ответа (об этом было сказано выше). Следовательно, кто одним росчерком пера вынес приговор, не подлежащий обжалованию, — я или руководители Академии наук еще в середине 60-х годов?

Если бы не состоялся III пленум, наверняка, я, как и во все прошлые годы, не имел бы возможности выступить в печати со своей статьей, которая теперь вынудила руководство Академии открыть дискуссию по «восстанию 1898 года», хотя по духу статьи видно желание заглушить возможных противников своих тезисов обилием цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма вместо приведения фактических материалов о реальных событиях в ночь на 18 мая. Но и это неплохо. Дискуссия, как бы то ни было, лучше, чем застой в общественных науках, о котором с большой тревогой говорилось и на XXVII съезде КПСС, и на XXI съезде Компартии Узбекистана, на многих партийных пленумах, прошедших в последние годы. Она, возможно, изменит мнение отдельных руководителей гуманитарных учреждений Академии наук о том, что якобы критика недостатков прошлого как «мелочь» отвлекает от задач перестройки и поэтому не стоит тратить время на это²⁰.

На наш взгляд, все же следовало бы более глубоко, критически пересмотреть состояние дел в гуманитарных институтах Академии и очистить их от тех наслоений, которые накопились за прошедшие годы, в частности и в оценке выступления Мадали Ишана. Это было бы созвучно высказыванию Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о том, что «критика прошлого, будучи важным моментом развития, дает возможность извлечь уроки и выводы для сегодняшнего и завтрашнего дня, помогает конструктивной работе по верному выбору средств и путей продвижения вперед»²¹.

* * *

От редколлегии. Полностью публикуя в дискуссионном порядке текст статьи М. Г. Вахабова (его ответ на статью Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина в № 1 журнала за 1987 г.), редколлегия, естественно не предпринимает вопроса, кто из названных авторов прав в своих суждениях о сущности событий 1898 г. Это — дело предстоящей в Институте истории АН УзССР общей научной дискуссии по вопросам истории национально-освободительных движений в Средней Азии XIX — начала XX в. Редколлегия надеется, что обе статьи (а возможно, и отклики других авторов) будут реально полезны для участников намечаемой дискуссии.

²⁰ См.: Гулистан. 1987. № 1. С. 4.

²¹ Материалы Пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 года. М., 1987. С. 15.

Вместе с тем редколлегия считает своим долгом констатировать, что статья проф. М. Г. Вахабова оказалась, к сожалению, не свободной от моментов сугубо личного характера, от неточного и даже предвзятого изложения некоторых взглядов и позиций его оппонентов, попыток переводить научный спор в плоскость неких взаимных «обвинений» (слова М. Г. Вахабова). Едва ли также материалам к творческим, деловым и принципиальным дискуссиям по отдельным, конкретным вопросам исторической науки должны сопутствовать окрики, грубые выпады и далеко идущие призывы к «глубокому и критическому пересмотру состояния дел в гуманитарных институтах Академии и очищению их от тех наслоений, которые накопились за прошедшие годы» и т. п. Все это — наносное, привходящее, без чего статья уважаемого М. Г. Вахабова только выиграла бы в своей доказательной части. Как говорил М. С. Горбачев на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и творческих союзов, нет «никакой драмы в полемике, в сопоставлении точек зрения. Это нормально», а потому даже «самые острые вопросы надо обсуждать, уважая друг друга». Об этом говорилось и в статье «Культура дискуссий», опубликованной в газете «Правда» 3 июля 1987 г.

Х. З. ЗИЯЕВ

О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ АНДИЖАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1898 ГОДА

В первом номере журнала «Общественные науки в Узбекистане» за 1987 г. опубликована историографическая статья Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина об Андижанском восстании 1898 г. Я также хочу высказать свое мнение по данному вопросу. Я полностью разделяю их оценку характера и социальной сущности такого сложного и специфического (в конкретных условиях дореволюционной Средней Азии) явления, каким было это восстание. Авторы вполне справедливо считают неправомерным и отвергают явно преувеличенное отнесение некоторыми исследователями восстания 1898 г. к числу событий «большого революционного значения». Надо, очевидно, согласиться и с их выводом, что Андижанское восстание относилось «к числу стихийных и разрозненных (антиколониальных) выступлений крестьянства, не озаренных (говоря ленинскими словами) светом политического сознания» (с. 29 статьи).

Согласен я также с доводами авторов, что при оценке событий 1898 г. безусловно нельзя сводить дело только к личности религиозного фанатика-мракобеса, носителя идеологии газавата Мадали-ишана, как это имеет место в статье М. Г. Вахабова, опубликованной в газете «Правда Востока».

Прежде всего напомним, что еще в 1966 г. в связи с переизданием «Истории Узбекской ССР» состоялось совещание историков по поводу характера Андижанского восстания 1898 г. с участием представителей некоторых среднеазиатских республик.

На этом совещании, проходившем под руководством акад. АН УзССР Я. Г. Гулямова, основной докладчик Х. Т. Турсунов говорил, что восстание 1898 г. рассматривалось в I томе «Истории народов Узбекистана» (1947) как национально-освободительное, прогрессивное движение, но это положение коренным образом изменилось после появления статьи Багирова «О реакционной сущности движения горцев под водительством Шамиля». Все историки, говорил докладчик, находясь в плену у «магической» статьи Багирова, оценивали подобные восстания как реакционные, подстрекаемые якобы иностранными агентами. Подытоживая свое выступление, Х. Т. Турсунов отмечал: «В ре-

зультате неумения конкретно исторически подойти к данному вопросу, в результате непонимания необходимости пересмотреть с методологически правильной, марксистской позиции исторические документы наши историки на совещании¹ (1950 г.) и в оценке событий 1898 года допустили очень серьезные ошибки. Вызывает удивление и недоумение то обстоятельство, что в работах наших историков, там, где речь идет об Андижанском восстании, вся освободительная борьба угнетенных народных масс передается на откуп Дукчи Ишана (Мадали Ишана)².

Как ни странно, после всего этого именно под таким углом зрения рассматривается характер Андижанского восстания в новейшей статье М. Г. Вахабова. Автор пишет: «Как новоявленные царьки и баи, как своего рода «удельные властелины», наделенные беспрекословным правом оценки тех или иных исторических событий, вели себя некоторые ученые. По их непререкаемому велению, вопреки историческим фактам, авантюрное выступление отъявленного мракобеса Мадали Ишана в Андижане 1898 г. с реакционным лозунгом «газават» против всех русских было объявлено кульминацией народного антифеодального и антиколониального движения трудящихся Туркестанского края»³.

М. Г. Вахабов не остановился перед оскорбительным выпадом в адрес своих коллег по перу, что противоречит научной этике советского ученого. Вызывает недоумение и его властное требование об осуществлении в гуманитарных институтах АН УзССР «очистительной работы». Что касается его оценки Андижанского восстания, то она отнюдь не является новой для научной общественности. Так, только под углом зрения «газавата» рассматривали восстание прежде всего представители Туркестанского военного округа. Генерал-лейтенант Н. И. Корольков в своем отчете сводил восстание к религиозному лозунгу «газават», «фанатическому возбуждению туземного населения» и действиям Мадали-ишана⁴.

Начальник Маргеланского уезда А. И. Бряннов в своем донесении также писал, что в основе восстания лежал религиозный фанатизм, «которым, несомненно, заражено все население»⁵. Подобные характеристики были даны восстанию и в периодической печати того времени. Этим власти стремились затушевать истинные причины восстания, направленного против колониальной политики царизма.

Были, однако, хотя и единичные, авторы, которые стремились трезво оценить причины восстания. Так, в 1908 г., в связи с 10-летием восстания, на страницах журнала «Исторический вестник» (1908, май) была опубликована статья С. Т. (по словам Н. С. Лыкошина, «видного туркестанского деятеля, знающего Фергану не по наслышкам»). Автор статьи отрицает доминирующее положение «мусульманского фанатизма» в восстании. «Официальное следствие, произведенное с целью раскрытия истинной причины восстания 1898 г., — писал он, — выяснило, что эта причина заключалась почти исключительно в фанатизме мусульман, имеющем в своем основании религиозную нетерпимость к своим повелителям-кафирам. В официальных делах посему андижанская резня ставилась в исключительную зависимость от появления ишана, его всеобщей популярности, намекалось на участие в этом деле турецкого султана и афганского эмира, но далее этого не

¹ Совещание было созвано в связи с выходом указанной статьи Багирова.

² Из стенограммы совещания от 22 сентября 1966 г.

³ Правда Востока. 1986. 4 дек.

⁴ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 31137, л. 37. (Здесь и далее архивные материалы почерпнуты из сборника документов о восстании 1898 г., подготовленного к печати сотрудниками Отдела новой истории Узбекистана Института истории АН УзССР).

⁵ Там же, ф. И-1, оп. 32, д. 182а, л. 288 об.; ф. И-17, оп. 1, д. 31137, л. 49 об.

ило. Власти, выяснявшие причины этого эпизода, по упущению или умышленно, совсем искажали возможность того, что недовольство вообще проявляется лишь там, где для этого есть благоприятствующие катастрофе внутренние обстоятельства. Участие в андижанском восстании эмиссаров мусульманских государств можно считать недоказанным, а религиозная нетерпимость мусульман к русским в данном случае являлась скорее всего средством, но не целью»⁶.

Как видим, автор при определении сущности восстания намекает на социально-экономические и политические условия, сложившиеся в то время в крае. Вместе с тем он правильно считает, что религиозный лозунг был только ширмой для повстанцев. «У мусульман,— пишет он,— при выражениях протеста неизменно фигурировало зеленое знамя пророка, покрывавшее все истинные причины событий. Таким образом, фанатизм является лишь маской, т. к. другой великой, побуждающей к протесту, силы, кроме религии, в народе не было. Следовательно, фанатизм был побочной причиной, за которой следовало искать других — истинных причин недовольства мусульман»⁷.

Автор считает одной из главных причин восстания отстранение представителей коренного населения от управления краем. По его словам, Положение 1886 г. об управлении краем «изъяло из участия в управлении краем туземный элемент, передав это дело исключительно в русские руки»⁸. Вместе с тем он считает, что упадок нравственности (пьянство, азартные игры и т. п.) и непригодность личного состава администрации вызвали недовольство у коренного населения.

Хотя автор не смог глубже развить правильные мысли о восстании в силу своей классовой ограниченности, тем не менее его трактовка имеет определенное значение в правильном определении социальной сущности сложного по своему характеру Андижанского восстания и является одним из аргументов, показывающих несостоятельность концепции М. Г. Вахабова. Хотя он призывает в своей статье изучать вопросы, касающиеся общественных наук, с классовых позиций, но тут же, при конкретном рассмотрении вопроса восстания 1898 г., обходит это важное положение марксизма-ленинизма. При оценке восстания дело сводится им к главенствующему участию в нем Мадали-ишана и сущность восстания воспринимается сквозь призму взглядов ишана. Это ведет к объективистскому решению вопроса о восстании 1898 г., а объективист, писал В. И. Ленин, «всегда рискует сбиться на точку зрения апологета... фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения»⁹.

Хорошо известно, что царизм осуществлял в Туркестанском крае жесточайшую колониальную, антинациональную политику, что вело, с одной стороны, к лишению или ограничению прав и привилегий представителей местной знати, а с другой (и это главное),— к еще большему ухудшению и без того тяжелого положения трудящихся масс.

Вследствие этого борьба против царизма в определенном плане становится общей задачей как для оппозиционных групп местной знати, так и для угнетенных масс. Поскольку господствующей идеологией того времени была религия, то лозунг «газавата» придавал этой борьбе религиозную окраску, что, однако, ни в коей мере не сглаживает социальных противоречий и классовой борьбы в лагере восставших. Здесь каждая социальная группа под общим лозунгом «газават» боролась за свои классовые интересы.

Следует заметить, что подавляющее большинство авторов, вплот-

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1: С. 418.

ную занимавшихся изучением истории восстания, считали его прогрессивным народным движением. Этой точки зрения держались и участники упомянутого выше совещания 1966 г.— историки К. Ф. Касымбеков, В. Я. Непомнин, К. У. Усенбаев, А. Хасанов и др.

Э. Ю. Юсупов и Б. В. Лукин в своей статье охарактеризовали Андижанское восстание 1898 г. как антиколониальное движение. На наш взгляд, они излишне осторожно и не совсем справедливо отодвинули антифеодальную направленность этого движения на второй план. Так, они пишут: «Что касается антифеодального характера восстания, то о нем, думается, можно говорить в меньшей степени, косвенно, ограниченно, учитывая, что оно оказалось под определяющим воздействием самих феодальных (феодално-клерикальных) кругов, и прямолинейное, «лобовое» объявление его антифеодальным, как таковым, было бы, возможно, неоправданным» (с. 29).

Известно, что царизм осуществлял свою колониальную политику на почве сохранения в крае феодальных и феодально-патриархальных отношений. Армия служила при этом решающей опорой и силой колониальных властей, чем объясняется нападение повстанцев прежде всего на андижанский гарнизон. В данном случае антиколониальное выступление угнетенных масс сливалось и переплеталось с антифеодальной борьбой, что неотделимо друг от друга. Но повстанцы не смогли довести свою борьбу до ожидаемых результатов в силу своей отсталости, неорганизованности, отсутствия определенной программы, локального и стихийного характера восстания. Они не знали, какое именно новое общественное устройство сможет удовлетворить их интересы. Тем не менее сам факт вооруженного выступления масс и их схватки с правительственными войсками явился активной формой классовой борьбы.

Следует заметить, что особенность Андижанского восстания заключалась и в том, что оно как бы подытоживало все менее значительные выступления угнетенных масс предшествующих лет (которые требуют особого исследования).

Напомним, что именно в 80—90-х годах XIX в. в Ферганской области появилась фабрично-заводская промышленность капиталистического типа, возник отряд рабочих, состоявший из русских, узбеков и представителей других коренных национальностей. По данным 1893 г., в Ферганской области (с более чем миллионным населением) действовали 3163 фабрики, завода и кустарных заведения, в их числе 52 хлопкоочистительных завода. Получили значительное развитие внутренняя и внешняя торговля. Достаточно отметить, что в 1893 г. торговый оборот только Андижанского уезда составил по привозу 2873 тыс. и по вывозу — 4501 тыс. руб.¹⁰

Во всех этих сдвигах важную роль сыграл прежде всего рост хлопководства, которое не только способствовало развитию городской жизни, но и приносило огромные доходы колониальным властям, капиталистам и местным баям.

Вместе с тем в самих кишлаках были налицо непримиримые противоречия между дехканами и баями, которые, сбывая сельскохозяйственную продукцию в город, получали большие доходы. В их числе особое место занимали так называемые «чистачи», являвшиеся «колоритной фигурой на фоне хлопковой торговли и скупки». Они получали деньги от фирм и раздавали их дехканам. Чистач был «мастером своего дела, он умел хорошо обсчитывать, обмеривать своих односельчан и клиентов, умел очень скоро умножать свои богатства...»¹¹

¹⁰ Федоров А. П. Хлопководство в Средней Азии. СПб., 1898. С. 140.

¹¹ Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926. С. 112.

Торгово-кредитный аппарат, состоявший из фирм, чистачей и торговых агентов, широко развернув свою деятельность, беспощадно грабил дехкан-хлопкоробов. Предоставляемый дехканам кредит под будущий урожай выдавался на крайне тяжелых условиях, что приводило в конечном счете к разорению массы мелких производителей.

Процедура взимания долгов с дехкан носила жестокие, унижительные формы. «Некоторые дельцы творили неслыханные насилия. Иногда забирали должника, бросали его в собственный сарай, как в тюрьму, дожидаясь выкупа или уплаты долгов каким-нибудь родственником. Телесные наказания, даже расправы с должниками — факты неоднократные и известные в каждом хлопковом сезоне... Местные дельцы иногда доходили до того, что продавали жен неоплатных должников. И наконец, безнадёжные должники предавались в руки адвокатов. Все поездки и расходы последних насчитывались на дехканина, так как векселя находились в руках... хлопковых фирм»¹².

Усиливался и налоговый гнет. В 1896 г. только в Андижанском, Маргеланском и Ташкентском уездах было собрано 1 649 507 руб. поземельного налога и 697 133 руб. оброчной подати. Кроме того, в Ферганской области хараджную подать взимали в размере 1/5 части урожая, а не 1/10, как это было в других местах края¹³.

Сбор податей, налогов, таможенных пошлин отдавался на откуп волостным баям за большую мзду. Скупщики брали с населения намного больше того, что сами вносили в казну¹⁴. Тяжелым бременем ложились на дехкан произвол и насилия представителей местной администрации, которые не только содержались за счет населения, но и выколачивали из него суммы, затраченные на период «избрания» их на должность.

Таким образом, трудящиеся массы находились под двойным гнетом как колониальных властей, капиталистов, так и местных баев. Интересы и действия эксплуататоров всех мастей сливались и переплетались друг с другом.

Подобное положение складывалось и в среде кочевого населения Ферганской долины. Так, киргизы были обложены непомерными налогами и податями. В 1882 г. кибиточный сбор был увеличен с 2 руб. 75 коп. до 4 руб.¹⁵ Однако фактически взималась гораздо большая сумма. Налог взыскивался независимо от материального положения плательщика. Кроме того, киргизы обязаны были отбывать разного рода натуральные повинности: дорожную, исправление арыков, мостов, предоставление перевозочных средств и топлива для воинских частей¹⁶.

Вследствие всего сказанного в Ферганской области непрерывно росло число безземельных дехкан. По данным 1893 г., из-за малоземелья только из Маргеланского уезда до 30 тыс. человек ежегодно уходили в Сырдарьинскую область и Семиречье в поисках работы¹⁷. В Маргеланском уезде из 13 913 безземельных дехкан 8698 (62,3%) были чайрикерами, а 3619 (25,9%) — мардикерами. В общей же сложности число безземельных крестьян в Ферганской области доходило до 60%¹⁸.

В тяжелом положении находились и ремесленники-кустари, которые, работая от зари до зари, зарабатывали очень мало, однако были

¹² Там же. С. 124.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1973. С. 17.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Федоров А. П. Указ. соч. С. 147.

¹⁸ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С. 72.

обложены высокими налогами и податями. Растущий ввоз промышленных товаров наносил им значительный урон. Отдельные ремесла: ткачество, гончарное, ковровое дело, изготовление медных и бронзовых изделий — не выдерживали конкуренции с промышленными товарами, и многие ремесленники разорялись. Все это не могло не вызывать острого недовольства кустарей.

В Ферганской области, как и в других районах края, повсеместными явлениями были вымогательство, взяточничество, произвол и насилие представителей колониальных властей и местной администрации.

Все это вело к обострению социальных противоречий, росту недовольства масс колониальными и феодальными порядками. И характерно, что в обвинительном акте военного прокурора Эд. Бауэра на основании показаний одного из участников восстания 1898 г. говорится, что именно «бедные и темные люди» были участниками восстания, возглавленного Мадали-ишаном¹⁹.

О характере восстания, на наш взгляд, свидетельствует и численность его участников — от одной до двух тысяч человек²⁰. Однако круг восставших не ограничивается этой цифрой, так как волнения назревали по всей территории Ферганской долины и за ее пределами. Не случайно туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской в рапорте военному министру предложил наложить в качестве наказания контрибуцию на все население Ферганской области в сумме 1 млн. руб. (но император «снизил» ее до 300 тыс. руб.²¹, чтобы не обострять недовольства народных масс).

Попутчиков же восстания — отдельных представителей духовенства и местной знати — насчитывалось всего до 20 человек во главе с Мадали-ишаном.

Одним из намерений оппозиционной группы была попытка воспользоваться авторитетом и поддержкой турецкого султана, на имя которого было послано письмо, составленное при непосредственном участии Мадали-ишана²². Однако эта попытка, по всей вероятности, не увенчалась успехом. Поэтому оппозиционная группа представила Мадали-ишану фиктивные грамоты и подарки от турецкого султана, но тот был уверен (или сделал вид, что уверен?) в подлинности их²³ по своей неграмотности. Отсутствие связей оппозиционной группы с Турцией подтверждают следующие данные. В 1898 г. газета «Русский инвалид» писала, что некий Ходжа Абдужалил, прибыв из Кашгара в Андижан, передал Мадали-ишану «грамоту и халат, будто бы присланные турецким султаном», однако подлинность ее «еще не удостоверена следствием»²⁴. 14 июня 1898 г. начальник штаба Туркестанского военного округа Н. Белявский сообщал военному губернатору: «Насколько выяснено, послания турецкого султана не было»²⁵. В 1908 г. упомянутый выше анонимный автор С. Т. писал: «Участие в Андижанском восстании эмиссаров мусульманских государств можно считать не доказанным»²⁶.

Характерно и отношение массы восставших к русскому населению. Так, в зоне восстания проживали 9 русских семейств, имевших «постоянно столкновение с местным населением и владеющих прекрасно

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 11, л. 8.

²⁰ Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 31137, л. 33; д. 19, л. 65; д. 13, л. 2.

²¹ Русский инвалид. 1896. № 27. Между прочим, Духовской отмечал, что повстанцы «имели сторонников почти во всех уездах Ферганской области» (см.: Туркестанский сборник. Т. 427. С. 52).

²² ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 18, л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Русский инвалид. 1898. № 27.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 5579, л. 109. (Это сообщение было основано на показаниях подозрительных лиц, задержанных в Пржевальске).

²⁶ Исторический вестник. 1908. № 5.

языком»²⁷. Они нисколько не пострадали. В г. Андижане вместе с более чем 47-тысячным коренным населением проживало русских — 631 человек²⁸. И хотя здесь формировался большой отряд повстанцев, русские жители не подверглись нападению с их стороны.

Попытки отдельных, наиболее реакционных элементов придать восстанию антирусский характер не получили поддержки со стороны основной массы участников восстания. Между прочим, и в судебных приговорах им вменялись в вину действия, направленные не против русских вообще, а на свержение власти России в крае и с этой целью нападение на военный гарнизон г. Андижана. Возьмем хотя бы обвинение военного прокурора Долинского в отношении самого Мадалишана. В нем говорится: «Задумав ниспровергнуть русское владычество в крае (подчеркнуто нами.— Х. З.), он для достижения этой цели согласил население многих волостей и городов края восстать вооруженною рукою...»²⁹ Подобного рода обвинения были предъявлены и другим участникам восстания.

Таким образом, утверждение М. Г. Вахабова, якобы восстание было направлено «против всех русских», также является если не прямым искажением исторической действительности, то во всяком случае явным преувеличением. Не имеет под собой почвы и его тезис о связи повстанцев с Турцией.

Все известные нам факты говорят о том, что восстание 1898 г., несмотря на его религиозную окраску, было народным движением, которое вместе с другими выступлениями угнетенных масс расшатывало устои колониально-феодалных порядков в дореволюционном Узбекистане.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 32, д. 189а, л. 287.

²⁸ Русский инвалид. 1898. № 217.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 13, л. 13.